

Наталья Солнцева

Венера и Демон

Мистический детектив (АСТ)

Наталья Солнцева

Венера и Демон

«Издательство АСТ»

2008

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Солнцева Н. А.

Венера и Демон / Н. А. Солнцева — «Издательство АСТ»,
2008 — (Мистический детектив (АСТ))

ISBN 978-5-17-101462-9

Возможно, он таким родился... Или стал после того, как чуть не погиб в аварии. Но разве это имеет значение? Главное то, что он с детства научился видеть пороки людей, наблюдать, анализировать и, когда наступит время, — наносить удар. Любовь и влечение к женщине тоже подвергались тщательному анализу и циничной хладнокровной обработке. Лишь однажды, в юности, он встретил женщину, которая опалила душу. Но он ничего не сделал, чтобы ее защитить. И вот теперь всю жизнь ищет ту самую Венеру, равнодушно переступая через любовь. Он возомнил себя Богом и потерял чувство реальности. А впрочем... Может, погибнуть от рук Венеры — это счастье?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-101462-9

© Солнцева Н. А., 2008
© Издательство АСТ, 2008

Содержание

Венера и Демон	7
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	27
Глава 5	33
Глава 6	39
Глава 7	46
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Наталья Солнцева

Венера и Демон

Мне скучно все, мне хочется играть

И вами, и собою, без пощады...

Н. Гумилев

© Солнцева Н.А., 2017

© ООО «Издательство АСТ», 2017

Венера и Демон

Глава 1

В саду остро и свежо пахло влажной зеленью, молодой клейкой листвой, цветами и дымом от костра, на котором Денис Аркадьевич сжигал старые ветки после очистки кустов и деревьев. Дача в Мамонтовке осталась от бабушки с бабушкой. Новый хозяин полностью перестроил дом, который получился почти таким же, как и прежний, только гораздо добротнее и комфортабельнее. Дом был с высоким чердаком-мансардой, открытой верандой, камином, удобствами и гаражом в цокольном этаже.

Несколько сосен украшали въезд. Одну, самую большую, пришлось спилить – по старости. Ее крона, некогда пышная, горделиво раскинувшаяся в вышине, засохла и поражала взгляд унылостью и каким-то печальным смирением, всем своим видом напоминая о «неумолимом течении времени».

Денис Аркадьевич то и дело поглядывал на огромный распиленный ствол сосны, лежащий у забора.

– Жалко дерево? – спросил гость, высокий седоватый мужчина.

Его звали Игорь Анатольевич Громов. В прошлом – влиятельный криминальный авторитет Гром, а ныне – весьма преуспевающий, респектабельный бизнесмен, деловой человек, прекрасный семьянин. У Грома пять лет назад родился внук, что неожиданно повлекло за собой несколько важных и неприятных событий, которые, собственно, и свели Игоря Анатольевича с хозяином подмосковной дачи, большим любителем шахмат и собак.

– Мне в этом мире, уважаемый Игорь Анатольевич, ничего жалко быть не может, кроме... напрасно потраченного времени. Скука! Вот мой враг. Только она одна ворует у людей

время, подкрадываясь незаметно, словно хорошо обученный профессионал. Эта старая сосна напоминала мне о днях, потраченных напрасно. Вы видели на ее стволе зарубки?

– Нет. – Громов невольно оглянулся, словно пытаясь рассмотреть на распиленном стволе знаки, о которых говорил хозяин, и в очередной раз на себя рассердился.

Ну что он, в самом деле, ведет себя как мальчик? Слушается команд хозяина, почти как его бультерьеры, радостно бегающие по ровной зеленой травке перед домом. Сколько раз он давал себе слово, что будет вести себя независимо и совершенно самостоятельно, и вот... Словно в вежливых, негромких словах Дениса Аркадьевича присутствовал некий непонятный магнетизм, которому невозможно было противостоять. Все происходило как бы само собой, без воли и участия обоих собеседников, как хорошо отрепетированный спектакль, в котором все роли заранее и распределены – причем раз и навсегда.

– Ваш ход, – напомнил хозяин дачи своему гостю.

– Простите.

Громов поспешно сделал ход конем, о котором тут же пожалел. Вот и в шахматы ему еще ни разу не удавалось выиграть у Дениса Аркадьевича, как он ни старался. Тот словно видел наперед все его планы и только едва заметно посмеивался, одними глазами. Однажды Громову пришла в голову мысль, что он играет в шахматы с дьяволом! Это, конечно, было смешно, и он посмеялся над собой, но... в глубине души, на самом донышке, остался неприятный осадок, холодок под сердцем, ощущаемый каждый раз, когда ему приходилось встречаться с Матвеевым.

Денис Аркадьевич Матвеев, красивый мужчина лет сорока, москвич, владелец частного собаководческого клуба – весьма дорогого, кстати, – оказал Грому неоценимую услугу. Дело это не было связано ни с собаками, ни с шахматами, а с совсем другими, страшными вещами, такими как большие деньги, безжалостное и жестокое противостояние интересов, в которых, как в гигантских жерновах, перемалываются судьбы и жизни всех, кто так или иначе с ними связан.

Год назад у Грома похитили внука. Это было неслыханно дерзкое преступление. Ни вышколенная, высокооплачиваемая охрана, ни авторитет Игоря Анатольевича, ни слава о его жестокости – ничто не смогло помешать произойти этому ужасному событию. Гром на своей шкуре испытал, что такое ад земной, о котором он не раз говорил своим друзьям и врагам, рассуждая отвлеченно. Совсем по-иному этот ад воплотился в его собственной душе, которая, как известно, есть у всех – даже у самых закоренелых бандитов, самых прожженных циников и самых закаленных жизнью деловых людей.

Перед внезапно обрушившейся на него бедой Гром оказался бессилен. Он не мог обратиться в соответствующие органы, так как слишком хорошо знал, насколько ничтожны шансы спасти ребенка в подобных обстоятельствах. Криминальный мир развел руками – никто ничего не слышал, никто ничем не мог помочь. Собственная служба безопасности Игоря Анатольевича, которой он заслуженно гордился, предпринимала все возможные действия, оказывавшиеся напрасными. Ничто не давало результата. Надежды таяли, а боль в душе становилась невыносимой, грозя утопить в своих жгучих волнах остатки благоразумия. Однажды Гром поймал себя на том, что, выдвинув ящик стола в своем кабинете, с каким-то жадным вождением смотрит на револьвер, представляя себе, как с наслаждением он бы засунул холодный, отдающий металлом ствол себе в рот и нажал на курок, разом прекратив невыносимые мучения.

Игорь Анатольевич готов был заплатить любой выкуп, без раздумий, если бы не был уверен, что деньги не спасут жизнь маленького Артемки. Малыша ни за что не оставят в живых, опасаясь мести со стороны Грома, которая будет страшна и беспощадна. Его собственная репутация наносила ему удар ниже пояса. Если ребенок все еще был жив, то только потому, что похитители твердо знали, что Грома им обмануть не удастся. Если появится хоть малейшее сомнение, что ребенок жив, у них ни за что не получится вынудить Грома заплатить и совер-

шить определенные действия, которые от него требовались как часть необходимых условий освобождения мальчика.

В последнее время в жизни Грома произошли изменения: он решил заняться политикой. Почему бы и нет? Деньги у него были, причем в таком количестве, что они давно перестали его интересовать. Когда денег много, они теряют былую ценность и привлекательность. Что еще могло увлечь его по-настоящему? Стоило попробовать себя в такой игре, как власть. Игорь Анатольевич посоветовался с окружением и пустился в новое, неизведанное и полное опасностей плавание – он начал политическую карьеру. В этом океане, кроме штормов и ураганов, оказались подводные рифы и прибрежные скалы, мели, пиратские суда и многое другое, чего никак не ожидал встретить Гром, несмотря на весь свой богатый жизненный опыт.

Когда похитили Артемку, Гром понял, что ему не нравится политика. Это не для него. Однако надо было как-то «разруливать» эту ситуацию. Выстрелить себе в рот – это трусость, бегство. Гром трусом не был и бегать ни от кого не собирался. Револьвер вызвал у него минутную слабость, приступ позорного малодушия, который был тут же подавлен. Кстати, нет худа без добра. Окунувшись в политику, Игорь Анатольевич приобрел новый круг знакомых, которых у него никогда раньше не было. Он решил спросить совета у одного уважаемого человека, которому не раз оказывал финансовую поддержку, и не пожалел. Человек, к которому тайно обратился Гром, выслушал его, подумал и дал номер абонентского ящика вместе с условно-рекомендательным письмом. Так Громов вышел на связь с Матвеевым.

После переговоров и бесчисленных предосторожностей Матвеев согласился взяться за дело и назначил личную встречу. Он понял, что в случае удачи получит немалую сумму денег, и этот последний аргумент оказался решающим, так как сам случай не представлял для Матвеева особого интереса. Денис Аркадьевич любил острые сюжеты, а похищение Артема не обещало захватывающих и неожиданных ходов и фантастических развязок. Обычные корысть и зависть. «Недержание мочи», как он называл желание людей во что бы то ни стало напасть друг на друга. Что-то, а человеческие пороки Матвеев читал как открытую книгу, в которой для него не осталось, как он считал, ни одной загадки, ни одной мало-мальски стоящей тайны.

О, где вы, бездны душ людских,
Где вы, великие пороки?..

В детстве Денис Аркадьевич писал стихи, подражая Шекспиру, который был ему интересен в основном своими героями. Какое наслаждение было ночами бродить по темным и мрачным извилистым закоулкам души то леди Макбет, то принца Гамлета, то изощренного Яго... Человек-загадка, Уильям Шекспир создал немало интересных персонажей, у которых есть чему поучиться.

Итак, обещанное вознаграждение все решило. Матвеев принял Грома в своей «подмосковной резиденции», как называлась в узком кругу мамонтовская дача, выслушал, выспросил подробности, причем такие, что у Игоря Анатольевича глаза на лоб полезли, и надолго задумался.

Гость пил привезенный с собой дорогой коньяк, чувствуя себя раздетым догола и стараясь справиться с охватившими его растерянностью и недоумением. Методы хозяина дачи выходили за пределы возможного. Он заставил Громова вывернуть наизнанку все свои семейные, интимные, дружеские и деловые отношения, не оставив ни одной лазейки для утаивания сведений, которые могли бы пролить свет на похищение ребенка. Он следовал одному ему известной версии и безжалостно вытаскивал на свет божий все, что могло так или иначе пригодиться. По прошествии часа, который протекал в нервном молчании Громова и напряженных раздумьях Дениса Аркадьевича, последний глубоко вздохнул, распрямился, потянулся, посмотрел в высокое голубое небо и... сказал Грому, кто именно осмелился покуситься на

жизнь и здоровье маленького Артемки, используя его в качестве заложника и как средство воздействия на несговорчивого и упрямого деда.

– Не может быть, – выдохнул Гром, интуитивно чувствуя, что Матвеев дьявольски прав.

Как он смог додуматься до этого, вопрос другой. Но он прав! Прав, как бы чудовишно ни выглядела открытая им истина! Правда оказалась ужасной, неожиданной и разрушительной. Но и Гром был не из робких. Он посопел, приходя в себя, осмысливая сказанное, и пришел к какому-то глубокому внутреннему равновесию, лишний раз убедившись, что *знать* в любом случае лучше, чем оставаться в неведении.

– Как я могу вернуть ребенка? – спросил Гром, уже не сомневаясь, что получит ответ и на этот вопрос. И что непременно последует всем рекомендациям нового знакомого, которого ему «бог послал»... Игорь Анатольевич запнулся на этой последней мысли. Она показалась ему, мягко говоря, не совсем подходящей.

Матвеев разложил по полочкам все, что нужно будет сделать Грому и в какой именно последовательности. Он не упустил ни одной подробности, не пренебрег ни одной, самой мелкой и на первый взгляд незначительной деталью.

– Если вы не измените ни одного шага и выполните все, что я сказал, ребенок, целый и невредимый, окажется через пару дней дома.

Игорю Анатольевичу даже не пришло в голову сомневаться. Он только попросил еще раз изложить порядок действий.

Прощаясь с хозяином, Гром положил на столик пухлый конверт с долларами. Деньги вперед, независимо от результата – таково было условие Матвеева, и Гром с ним согласился.

– Неудача возможна только в случае, если вы не выполните мои рекомендации. Таким образом, вся вина ложится на вас. Поэтому мне нет никакого смысла отказываться от гонорара, – любезно улыбаясь, произнес хозяин.

Он проводил гостя до ворот, за которыми Громова ожидали автомобиль и двое вооруженных охранников. Бультерьеры, резвясь и подпрыгивая, побежали за Матвеевым. У одного из них к носу приклеился белый лепесток, которыми было усыпано все вокруг, и пес смешно чихал и мотал головой.

Игорь Анатольевич уселся на заднее сиденье и махнул водителю, чтобы тот ехал. Ему хотелось поразмышлять в тишине и покое. Дорога из дачного поселка пролегла между соснами и елями, кустами шиповника и сирени, покрытыми нежной листвой и цветами. Сирень еще не расцвела, а только выпустила вверх темные гроздья, готовые вот-вот раскрыть пышные душистые лиловые цветочки. Деревья стояли розовые от заката, солнце в багровом зареве садилось за кромку леса...

Гром думал о своем зяте, втором муже Маринки, которой отчего-то не везло в жизни. Первый супруг, напившись в ночном баре до чертиков, уселся на мотоцикл и принялся колесить по Москве, пока не свернул себе шею, столкнувшись с грузовым автомобилем. Новенькая скоростная «Хонда» превратилась в жалкие ошметки. А у Маринки остался сын Артем и обида на весь белый свет. Она любила своего непутевого Валерку, и Громов всерьез опасался, что дочь заболит от горя.

Маринка плакала, время шло, Артем рос, жизнь и молодость сделали свое дело: в прошлом году дочь во второй раз вышла замуж – за генеральского сына. Генерал действительно был заслуженным офицером, получившим свои звание и положение не в результате закулисных интриг и родственных связей, а благодаря своему уму и личным достоинствам. ореол боевых и прочих заслуг генерала распространился на его сына, который тоже был военным, согласно семейной традиции. Бравый капитан служил в столице, при штабе, имея неограниченные перспективы для роста. Громов сразу увидел, что парень ленив, заносчив, жаден до денег и откровенно недалек. Но Игорю Анатольевичу так хотелось снова увидеть радостный свет в потухших глазах Маринки, так хотелось, чтобы дочь была счастлива, что он скрепя сердце согласился на

этот брак. Он думал, что Маринка обеспечена всем, кроме мужской любви, семейного уюта, и, восполнив то, чего ей не хватает, она снова будет счастлива. Увы! Но Андрюша-то, Андрюша какой негодяй! Пойти на шантаж, на похищение ребенка... А что? Артемка ему не родной сын – не жалко!

Громову хотелось задушить своего зятя Андрея собственными руками, наблюдая, как будут наливаться ужасом и кровью, вылезать из орбит его нагловатые красивые глаза, как... Ладно, вначале надо вернуть домой Артемку, а уж затем вынашивать сладкие планы мести! Потом он найдет, как расправиться с дорогим зятьком. Господи! Как он мог? Скотина! Трусливый, скользкий мерзавец! Сам бы он до такого не додумался, Матвеев прав – это Штырь его подговорил на страшное дело.

Штырь – Штырев Александр Дмитриевич – товарищ Грома еще с уголовных времен, деловой партнер, лучший друг и правая рука! Оказался сукой! Предал их дружбу, все, что их связывало долгие годы!

– Как я мог проглядеть врага в своем ближайшем окружении? Доверять во всем предателю, лживому, коварному, как ядовитая змея? – спрашивал себя Громов, все больше и больше распаляясь и закипая от бешенства. – Он всегда, смолodu мне завидовал, только я этого не замечал. А если и замечал, то сдуру даже радовался: вот, мол, я какой – везучий, сильный и удачливый, сам Штырь мне завидует! Сам Штырь у меня на вторых ролях! Вот дурак! Идиот! Штырь – фигура в криминальном мире не рядовая. Он, конечно, не мог удовлетвориться тем положением, которое занимал. И только ждал своего часа. Вот и дождался! Договорились они с Андрюшкой, зятьком моим ненаглядным, как Грома завалить. Но это, ребята, у вас не выйдет! Недаром Штырь у Грома на вторых ролях перебивался... видать, не всем дано играть первую скрипку! Ничего, мальчишки, я вам покажу! Я вам сделаю расклад, кто есть кто в нашей простой жизни! Вы ж против Грома щенки! Птенцы желторотые!

Игорь Анатольевич приехал в Москву, когда на город опустились влажные душистые сумерки, и сразу схватился за телефон. В разные концы притихшей столицы полетели звонки и указания, четкие требования, жесткие распоряжения. Гром чувствовал себя на коне. Депрессия и подавленность испарились, уступив место жажде деятельности. Он не отступил ни от одной рекомендации Матвеева, и результат превзошел ожидания. На следующий день Артемка оказался дома, немного испуганный, но живой и здоровый. Штырь исчез. А Андрей ползал на коленях по дорожному ковру, размазывая по лицу слезы и задыхаясь от рыданий, визгливо вымаливая прощение.

Гром брезгливо кивнул головой. Пусть мерзавец думает, что выпросил себе жизнь, пусть умрет неожиданно, не мучаясь от страха, – во имя Маринки, ее любви к этому ничтожному, недостойному... созданию. Даже как-то язык не поворачивается называть мужчиной это визжащее от ужаса существо! Гром не пощадил Штыря, и Андрею не будет пощады. Ядовитую змею, заползшую в дом, надо уничтожить, чтобы она не укусила во второй раз.

– Приятные воспоминания?

Гром вздрогнул, так неожиданно прозвучал вопрос Дениса Аркадьевича, вырвав его из раздумий о недавнем прошлом.

– Ваш ход, – как ни в чем не бывало напомнил Матвеев, указывая Громову на шахматную доску.

Ветер приносил из сада запах травы и дыма, облетевшие бело-розовые лепестки цветов, по лужайке радостно носились бультерьеры – все, как прошлым летом. Наверное, поэтому и накатили воспоминания.

Громов сделал ход, и снова неудачно.

– Как поживает дочь? – спросил хозяин дачи, стараясь сгладить недовольство гостя.

– Ничего, спасибо, – рассеянно отвечал Игорь Анатольевич, глядя на доску и в очередной раз поражаясь своей глупости.

– Передавайте привет Марине Игоревне от старого друга! – усмехнулся Матвеев, понимая настроение Громова. – О женщины! Они как цветы! Чем красивее, тем больше требуют ухода и внимания! Та зарубка на старой сосне, о которой я говорил вам...

– Зарубка?.. – не понял Громов. Он уже забыл о предыдущем разговоре и теперь с трудом пытался вникнуть в суть происходящего.

– Ну да... Когда-то, в ранней юности, я сделал ее в память о женщине, о прекрасном погибшем цветке! Ее звали Марго... Маргарита! Великий Дюма писал о королеве Наваррской, его сын – о знаменитой парижской куртизанке Готье. И ту, и другую звали Маргаритой! Булгаковский Мастер был влюблен в Маргариту, и великий чернокнижник, продавший душу дьяволу, доктор Фауст... он тоже... любил женщину, носившую это имя. Как вы думаете, есть ли какая-то связь?..

Громов пожал плечами. Он был расстроен безнадежно проигранной партией и не понимал, при чем тут женщины, цветы, Маргариты... Игорь Анатольевич не был поэтом. Он был бойцом, берущим у жизни не дары, а трофеи. Ему было не до сложных лирических рассуждений. Однако не хотелось обижать хозяина. С тех пор, как Матвеев помог вернуть Артема, Громов невольно чувствовал себя в долгу.

Поэтому он без колебаний расстался с весьма дорогой и прелестной вещицей, которая приглянулась этому господину.

Будучи на отдыхе, Игорь Анатольевич из любопытства решил принять участие в аукционе, где приобрел бронзовую статуэтку Венеры. На торгах она была заявлена – предположительно – как работа знаменитого итальянского скульптора, живописца и ювелира Бенвенуто Челлини.

– Не верьте, – шептал на ухо Громову приятель, знаток антиквариата. – Подлинный Челлини стоил бы баснословных денег.

– Она дивно хороша, – не послушался совета Громов.

Статуэтка представляла собой молодую женщину с пленительными формами и чуть запрокинутым вверх лицом. Ее обнаженный стан медно-золотистого цвета, совершенные округлые груди, чуть выпуклый живот и гладкие точеные бедра вызвали прилив чувственности даже у такого уравновешенного, холодноватого мужчины, как Игорь Анатольевич. Красавица стояла в непринужденной позе, поправляя руками волосы, и от нее глаз нельзя было оторвать.

Бизнесмен имел неосторожность показать приобретение Матвееву. Тот загорелся.

– Я полюбил ее! – восклицал он. – Подарите мне Венеру, и я ваш раб!

Громов был ошарашен такой откровенной наглостью, но понял, что не откажет.

Его тянуло к этому странному, иногда довольно неприятному человеку, не хотелось терять завязавшуюся дружбу. Денис Аркадьевич еще пару раз здорово выручил Громова своими советами, разумеется, хорошо оплаченными. Его было чрезвычайно полезно иметь в качестве союзника, и столь же опасно – в качестве врага.

Бронзовая богиня любви перекочевала к Матвееву, о чем Гром, кстати, ничуть не жалел. Венера вводила его в искушение, пробуждала в его суровом сердце тоску... сожаления и недовольство жизнью. Как будто он не испытал чего-то самого главного, лишил себя какого-то непостижимого счастья... которое может дать женщина. И которого он, Громов, лишил себя.

– Женщины – непонятные существа! – сказал гость, чтобы как-то поддержать разговор.

– О да! – мечтательно улыбнулся Денис Аркадьевич. – Они все хотят одного и того же! Любви, поклонения, удовольствий, сладких наслаждений и денег, денег, денег... Они грезят о рае, где будут течь медовые реки, и где деревья будут сгибаться под тяжестью сочных плодов, и где обнаженный Адам будет нежно ласкать их разомлевшие на солнце, мягкие, ленивые тела... А знаете, кто должен обеспечить женщинам пребывание в этом раю?

Громов подумал немного и кивнул головой.

– Вижу, что вы догадались! – расплылся в довольной улыбке хозяин. – Ну конечно же, это мы – мужчины! Именно для этого мы и предназначены! Не так ли?

Игорь Анатольевич не знал, что сказать. Он чувствовал какой-то подвох в словах Матвеева и не хотел попасть впросак, ответив невпопад. Поэтому он предпочел промолчать и только сделал многозначительный вид.

– Трудна дорога в рай... А? Как вы думаете? – прищурился хозяин.

Громов вновь не нашелся, что ответить. Впрочем, Матвеев, кажется, и не ждал никакого ответа. Он свистнул, и к нему весело подбежали холеные, излучающие сытость и довольство собаки – они скакали, высунув языки, и лизали руки своего хозяина. Костер у забора почти потух; он еще слабо дымился, и ветер сносил дымок в сторону сада, откуда раздавался шум ветвей и птичье чириканье...

Глава 2

В пустоте и полумраке антикварного магазина было пыльно, повсюду тускло блестели старинные подсвечники, иконы, бронзовые светильники, огромные часы с маятниками, почерневшие гнутые блюда, какие-то турецкие кофейники, самовары и еще бог знает что. У Аглаи Петровны защекотало в носу, и она неожиданно громко чихнула.

– Что вас интересует? – спросил скучающий продавец.

Ему было лет шестьдесят, и он давно потерял интерес к жизни. Только эти окружающие его старые вещи все еще хранили тепло невозвратного прошлого, только они привязывали его к надоевшему существованию, придавали ему хоть какой-то смысл.

– Вот эта картина!

Аглая Петровна показала на небольшой пейзаж в духе Левитана: извилистая, неспешно текущая вдаль река, дождь, низкие серые тучи, пара лодок, притулившихся к мокрым мосткам, одинокий домик на пустынной возвышенности, горящее в домике окно...

– Прелестная вещица, – уныло подтвердил продавец. – Это похоже на осеннюю Волгу... Настоящая провинциальная российская глушь. Там, за поворотом, какая-нибудь Кинешма... бабы, торгующие молоком, свежей рыбой, грибами. Весьма, весьма поэтично. У вас хороший вкус!

Он внимательно посмотрел на посетительницу. Высокая, с пышными, подобранными к вискам волосами, живым ярким лицом и стройной фигурой, она была красива. Не вульгарна, как большинство современных девиц, развязных, громко разговаривающих и смеющихся, как эти самые «бабы из Кинешмы», про которых он только что говорил, а изысканно, впечатляюще хороша. Он знал толк в таких вещах, несмотря на возраст.

– Хотите приобрести картину?

Он не любил слово «купить», как будто оно вносило в его мир какую-то дисгармонию, портило удовольствие от общения с человеком, который что-то понимает в красоте. Да и можно ли купить красоту?

Женщина кивнула, улыбнулась, очевидно, зная себе цену, понимая свою привлекательность. Стоимость картины, названная продавцом, показалась ей смехотворной. Не торгуясь, она достала из сумочки дорогой кожаный кошелек и заплатила.

Выйдя на улицу, она прикрыла глаза и удовлетворенно вздохнула, привыкая к яркому солнечному свету, голубизне неба, белому от цветочных лепестков асфальту. Она была довольна собой, прекрасным теплым днем, прогулкой по магазинам, купленной картиной... Старинные вещи, антиквариат, сама атмосфера пыльных, тесных магазинчиков, набитых разными диковинками, наполненных запахами дерева, лака, воска и кожи, доставляли ей непредаваемое удовольствие. Это было ее любимое занятие: бродить, смотреть, вдыхать запахи старины – без особой цели, просто так – и купить что-нибудь, если попадется.

Аглая Петровна решила пройтись пешком, размышляя по дороге, куда она повесит приобретенный пейзаж. Муж, конечно, был бы в бешенстве, если бы узнал. Его возмущало, как можно тратить деньги на «такую ерунду». Они совершенно перестали понимать друг друга. Да и было ли это понимание раньше? Аглая Петровна попыталась вспомнить – и не смогла. Хорошо, что он уехал к своей матери в Вологду. В последнее время они постоянно ругались, все больше и больше отдаляясь друг от друга. Вообще, было странно – что могло их связывать? Как получилось, что они оказались вместе? Неужели это был брак по расчету?

Аглае Петровне Соломирской недавно исполнилось тридцать два года. Она собиралась разводиться с мужем, потому что встретила наконец человека, которого полюбила со всей нерастратченной пылкостью своего сердца. Мужчина, который смог вызвать у нее истинную любовь, о которой мечтают лунными ночами и которую воспевают в бессмертных стихах, был необыкновенным, чудным, умным, интеллектуально тонким – таким, о котором она не смела и думать.

Аглая Петровна неплохо разбиралась в мужчинах. Она была красива той особенной красотой, которая давала ей неограниченную власть над ними, и знала это. Мать с детства внушила ей уверенность в собственной исключительности.

– Аглаюшка, – ласково говорила ей мама, рано поседевшая, очень худая женщина, всю жизнь проработавшая в музейном архиве за символическую зарплату. – Мы, Соломирские, принадлежим к старинному дворянскому роду, а это великая честь. Мы избранники судьбы, поверь мне, девочка. Никогда не забывай, кто ты!

Мама назвала ее Аглаей в память о какой-то знаменитой прапрабабушке, которая сводила с ума русских и французских вельмож, одинаково ослепительно блистая и в Аничковом дворце, и в Версале. Девочку, однако, это объяснение не устраивало. В школе над ней смеялись и дразнили; учителя называли ее Глашей, чем приводили в бешенство, а когда она подросла, то стеснялась знакомиться с молодыми людьми – из-за того, что придется сказать, как ее зовут. Со временем она успокоилась и даже стала гордиться своим именем, редким и звучным, исконно русским. Так действительно могли звать настоящую барыню, на которую она из всех сил старалась походить.

Аглая, закончившая школу «гадким утенком», расцветала на глазах, становясь все красивее и красивее, что казалось почти неправдоподобным. У нее была тонкая белая кожа с нежным румянцем на высоких скулах, пышные и блестящие иссиня-черные волосы, такие же жгучие черные глаза, густые ресницы, пухлые, несколько великоватые губы, яркие и красивой формы, мягкая линия подбородка, длинная шея и гибкая, стройная фигура с высокой грудью и округлыми бедрами. Когда она шла по улице, на нее оглядывались – откровенно, не стесняясь, раскрыв рты от изумления.

Надо сказать, что о карьере кинозвезды или топ-модели она не мечтала. Видимо, сказывалась дворянская кровь. Аглая без особого труда поступила в МГУ на факультет журналистики, наверное, очаровав приемную комиссию своей «неземной красотой», и так же легко его окончила. Искать работу тоже долго не пришлось. Она устроилась в модный женский журнал и вела там рубрику «Психология флирта», которая пользовалась огромным успехом у читателей.

Аглая Петровна привыкла к жизненным успехам. Ее судьба складывалась гладко и приятно. От мужчин отбоя не было, и госпожа Соломирская, как ее стали называть, перебирала кавалеров и крутила ими, как хотела. Победы давались ей так легко и непринужденно, что было даже неинтересно. Дворянская кровь, опять же, не позволила ей попасть в ловушку корысти и выйти замуж «за деньги», хотя таких возможностей было хоть отбавляй. Аглая Петровна вообще считала, что спешить вступать в законный брак не стоит, так как это значительно снижает интерес мужчины и у него пропадает стимул угождать своей избраннице.

Когда ей исполнилось двадцать восемь и мама начала выражать беспокойство по этому поводу, Аглая решила и вышла замуж за обеспеченного, преуспевающего бизнесмена Виктора Дунаева, своего бывшего однокурсника, который сох по ней еще в университете. Виктор забросил журналистику, которая никогда его особенно не привлекала, и занялся торговлей. Он не был слишком «крутым», но зарабатывал достаточно и любил без памяти свою жену Аглаю Соломирскую, которая не пожелала стать Дунаевой и оставила свою девичью фамилию. Она не собиралась в браке отказываться от своих привычек – ни в отношении времяпрепровождения, ни в отношении мужчин, наотрез отказавшись бросить работу и продолжая посещать различные тусовки и презентации, на которые ее то и дело приглашали, являясь домой чуть ли не засветло.

Виктор ревновал, мучился, но не хотел портить отношения с женой, поэтому все оставалось как есть. Он зарабатывал, она тратила: наряжалась, покупая себе умопомрачительные платья, шубки и бесчисленное количество туфель, сапожек и сумочек; часами болтала по телефону с подружками, пропадала на работе до позднего вечера, совершенно не желая зани-

маться домашним хозяйством. У нее было хобби – бродить по антикварным магазинам и магазинчикам, рассматривать и покупать старинные вещи: недорогие картины, бронзовые канделябры, книги, табакерки и прочее. В их гостиной уже стояло двое громадных напольных часов и несколько ваз. Если Аглая чем-то увлекалась, то отдавалась этому увлечению всем своим существом. Она ничего не умела делать наполовину – ни любить, ни ненавидеть, ни приобретать, ни тратить.

Робкий намек супруга на то, что ему хотелось бы иметь ребенка, вызвал такую бурю негодования, что Виктор долго не решался снова завести об этом разговор. Он надеялся, что ребенок сделает их семью более прочной и хоть немного привяжет к домашнему очагу неутомимую супругу. Но не тут-то было! Пеленки-распашонки, бессонные ночи, коляски и соски не входили в сферу интересов Аглаи Петровны. Она и слышать ни о чем таком не хотела! И Виктор смирился. В конце концов, у него есть красавица-жена, в которую тайно влюблены все его приятели и знакомые. Друзей Дунаев после женитьбы в дом водить перестал. Это казалось ему слишком опасным. Он подозревал, что у жены есть любовники, но боялся об этом думать и верить в собственные, ничем не обоснованные предположения. По ночам, не в силах заснуть от мучительных переживаний и страхов, он вставал, выходил на кухню и курил сигарету за сигаретой. До брака он не курил, и новая привычка пугала его. Как бы еще не начать пить! Многие его партнеры по бизнесу потихоньку спивались, хотя было непонятно, почему – они ведь не были женаты на таких красавицах, как Аглая Соломирская!

К чести Аглаи, супруга она не обманывала. Любовников у нее действительно не было. Поклонники – да! были! – но это никогда не переходило установленных ею самой границ. До брака она позволяла себе иногда развлечься... но то ли с мужчинами ей не повезло, то ли просто к сексу она оказалась равнодушна – в общем, ничего особенного она в интимных отношениях для себя не обнаружила. Ухаживание ей нравилось гораздо больше. А постель... С супругом приходилось, тут уж ничего не поделаешь, а с другими зачем? Никакого смысла и удовольствия в сексе Аглая не видела. Именно поэтому у нее и не было любовников. Но Виктор об этом не знал. Ему это и в голову не приходило.

Жизнь их текла относительно спокойно. Изредка то у одного, то у другого вспыхивало недовольство, но они были люди интеллигентные, с высшим образованием, так что до скандалов и драк не доходило. Виктор пытался как-то выразить свои пожелания, чтобы немного чаще видеть жену дома, ну и о ребенке, конечно. Он все еще не терял надежды, что Аглаюшка одумается: возраст же! годы идут! – может и поздно оказаться. Но его надеждам не суждено было сбыться.

Аглая Соломирская – умница, красавица, тонкая ценительница прекрасного, знаток и эксперт в отношениях полов – влюбилась! Самым заурядным образом, сильно, безрассудно, до беспамятства и потери здравого смысла, именно так, как ей всю жизнь хотелось. Во всяком случае, она была убеждена, что это должно быть только так – смертельно, безумно, бесповоротно. Чтобы не оглядываться никуда и ни на кого, чтобы приносить жертвы, чтобы клясться, чтобы сгорать от страсти и сжигать мосты, чтобы... У нее не было слов для выражения своих чувств. Она уже не ждала, что получит этот подарок судьбы. Ей исполнилось тридцать два, а романтической любви так и не было. И тут – появился Он!

Умный, обаятельный, богатый, красивый, загадочный, окутанный аурой страсти и тайны! Они познакомились в одном из ночных клубов, в который Аглая пришла, чтобы написать очередной материал о флирте в журнальную рубрику. Она села в уголке, заказала выпивку и кофе и начала присматриваться к посетителям: кто с кем, во что одеты, что делают, а чего не делают, что пьют, как танцуют и прочие детали, возбуждающие интерес у ее читателей.

Аглая уже начала скучать и тут встретила пристальный взгляд его темных, каких-то необычных глаз – и все... Она почувствовала, что хочет мужчину, пожалуй, впервые в жизни, до головокружения и боли в груди.

«Так вот как это бывает!» – мелькнула мысль в ее отуманенном страстью сознании, чтобы тут же исчезнуть, уступить место бездумной, ни на что не похожей истоме, ломоте во всем теле, непреодолимом желании, чтобы Он подошел, сказал ей что-то, взял за руку, обратил на нее внимание, наконец...

Она почувствовала, что теряет сознание, что сейчас она просто-напросто упадет, как срезанный безжалостной рукой цветок. О господи! Что это с ней? Неужели... любовь?

С этого мгновения вся жизнь Аглаи Петровны полностью и целиком изменилась, превратившись в сказку «Тысячи и одной ночи». Загадочный мужчина все-таки подошел к ней – не мог не подойти. Зачем тогда бог дал ей такую красоту, если она не может привлечь желанного человека? Вот и привлекла...

Госпожа Соломирская тряхнула головой, отгоняя сладостные видения, сцены страсти. Оказывается, она совсем не холодная, а весьма даже горячая женщина. Слишком горячая! Слишком страстная, порывистая, слишком нежная, слишком восторженная, слишком впечатлительная, слишком любящая... Просто умирающая, растворяющаяся от любви, от желания, от огня в сердце...

Забывшись, она чуть не уронила купленную картину. Надо торопиться, кроме свидания у нее еще сегодня деловая встреча за городом, на которую нельзя опаздывать!

Аглая Петровна ехала в такси на вечернюю деловую встречу. После сегодняшнего свидания ее сердце неистово колотилось, в груди горело, в голове непрерывно стучали маленькие назойливые молоточки, не давая ей расслабиться ни на минуту. Она старалась и не могла отогнать от себя картину происшедшего, до мельчайших подробностей врезавшуюся ей в память. До самой смерти она не забудет ни одной детали, ни одного слова, ни одного вздоха, ни одного жеста...

– Куда поворачивать? – спросил таксист, глядя на странную пассажирку. Ее глаза лихо-радочно горели, на бледном лице выделялся неестественно яркий румянец. Плохо ей, что ли? Еще этого не хватало! Уже смеркается, а до ближайшей больницы далеко.

Женщина не сразу ответила. Она подняла затуманенные воспоминаниями глаза, пытаясь понять, чего от нее хотят.

– Поворачивать куда? – повторил таксист. – Направо или налево?

– А... – Пассажирка словно очнулась. – Налево, пожалуйста.

Вокруг быстро темнело. Дорога петляла меж густых зарослей. На небе, над самыми верхушками деревьев, блестело несколько зеленоватых звезд.

– Прохладно... прикройте окно, – попросила женщина, и таксист поднял стекло со своей стороны.

– Куда дальше?

– Еще немного вперед, – сказала Аглая Петровна, зябко поводя плечами. – Вон к тому дому!

В темноте почти ничего не было видно. Фонарей здесь, в небольшом дачном поселке, не было. И только луна давала немного света.

– Этот дом?

– Кажется, да! Подождите минутку, я проверю, – пассажирка полезла в сумочку, достала блокнот и проверила адрес. – Лесная, двадцать три. Вы что-нибудь видите?

Водитель включил дальний свет, пытаясь разглядеть номер на доме.

– Кажется, это то, что вам надо, – сказал он. – Идите посмотрите, я подожду.

Женщина была очень красивая, просто удивительно, какая красивая! Ему редко пришлось видеть таких. Может быть, даже никогда. Хотелось услужить такой интересной даме.

– Да, подождите меня, пожалуйста! Я быстро. Если хозяин дома, то мы немного поговорим: мне нужно интервью для журнала. Не могу сказать вам точно, сколько буду занята. Но вы не уезжайте, я вам заплачу.

Она казалась немного растерянной. Видно было, что ей не хочется идти в дом. Вокруг двора был забор-сетка, калитка приоткрыта.

– Осторожнее, там может быть собака! – предупредил водитель.

Женщина была такая прелестная, беззащитная – ему хотелось утешить ее, может, пойти вместе с ней, чтобы она чувствовала себя более уверенно.

– Да?

Аглая Петровна с опаской заглянула внутрь двора. Там действительно оказался вольер с собаками, но он был закрыт. Она глубоко вздохнула и, скользнув в калитку, пошла по дорожке к дому. Под крышей открытой веранды горела одна-единственная лампочка. Окна в доме все были темные, кроме одного. В саду шумел ветер, принося запахи цветущих деревьев и дыма.

Водитель смотрел, как пассажирка искала звонок, потом постучала. Никто не открывал. Женщина немного постояла, оглянулась, махнула водителю рукой и вошла внутрь. Видимо, дверь оказалась не заперта. Таксист зевнул и посмотрел на часы. Было уже без пяти девять. Вокруг стояла непривычная для городского жителя тишина, нарушаемая только шумом ветра в садах. В это время начала лета люди еще не приезжали за город. Дома вокруг наверняка пусты. В июле тут будет повеселее. А сейчас... Даже собаки бродячие сюда не забегают!

Водителю отчего-то стало неудобно. Хоть бы пассажирка быстрее вернулась! Ему совсем не хотелось стоять тут, в темноте и одиночестве. Может, закурить? Как назло, он никак не мог найти спички. Где-то в кармане должна быть зажигалка. Он порылся в карманах – зажигалка нашлась, но она не работала.

– О черт!

Таксист захлопнул дверцу, включил музыку и прикрыл глаза, откинувшись на сиденье. Он чувствовал какую-то неприятную тревогу. Что-то было не так.

– Да что за черт! Это все нервы. День сегодня был непростой, много езды, много суеты, разговоров.

Он открыл глаза и снова посмотрел на часы. Прошло только три минуты... В это мгновение раздался душераздирающий, пронзительный женский крик, громко залаяли собаки в вольере. Таксист вскочил как ужаленный. Это из дома! Что-то случилось там, за толстой дверью из мореного дуба. Что же делать? Может, вызвать полицию?

Он выскочил из машины и подошел к приоткрытой калитке, глядя на дом. Дверь открылась, и из нее выбежала женщина, его пассажирка, закрывая лицо руками. Водитель, оглядываясь, поспешил ей навстречу, подхватил под руку. Она была едва жива от страха, вся дрожала, по красивому лицу текли слезы.

– Что случилось? На вас напали?

Она не могла вымолвить ни слова и только трясла головой, нервно всхлипывая. Таксист вспомнил, что у него в аптечке есть успокоительное. Он хотел достать его, но пассажирка не отпускала его, вцепившись в руку.

– Там... там... – Она обернулась в сторону дома и тут же спрятала лицо на его груди.

– Что там? – Водитель ощущал, как липкий пот стекает по его спине. Он испугался, сам не зная чего.

– Там... убили...

– У меня рация, – сказал он женщине. – Мы сможем вызвать полицию, если вы расскажете, что случилось.

– Там... убитый... – наконец смогла выговорить Аглая Петровна, сама не веря, что все это происходит не с кем-нибудь другим, а именно с ней. И эта полная душистой прохлады ночь,

и это приткнувшееся к забору такси, и этот симпатичный молодой водитель, и этот одинокий дом с единственным освещенным окном, и лежащий в доме страшный мертвец...

Глава 3

Чтобы у пирога получилась румяная корочка, Ева оставила его еще на полчаса в духовке. Олег Рязанцев, ее муж, любил пироги. А она любила делать ему приятное. Именно так – любила. Потому что теперь кое-что изменилось. В их семейной жизни образовалась серьезная трещина, которая становилась все шире и шире. И пироги Ева пекла скорее по привычке, чтобы не нарушать заведенный порядок, а не от души, как раньше.

В общем, в их ситуации не было ничего необычного или из ряда вон выходящего. Сколько таких семей, которые давно уже не основываются даже на искренней привязанности, не то что на любви? Они существуют только внешне, являясь чистой видимостью. А внутри – пустота. Это как воздушный шарик, который вот-вот лопнет.

Ева села на кухонный диванчик и задумалась. У нее была уютная, хорошо и со вкусом обставленная квартира, хороший муж, непьющий, некурящий, который приносил домой всю зарплату и иногда помогал Еве по хозяйству. Детей у них не было – из-за Евы: она считала, что сначала надо пожить немного для себя, а потом уже заводить потомство. Они с Олегом почти каждый год ездили отдыхать на море, а когда далеко уезжать не хотелось, снимали дачу в Мамонтовке. Еве там очень нравилось: сосны, река, зелень, белки, птицы... красота! А воздух какой! Прозрачный, чистый и сладкий на вкус.

У Евы было несколько подруг, и все они ей завидовали. Ева подозревала, что они были тайно и безнадежно влюблены в ее Олега. У Рязанцевых была идеальная семья, которую всем ставили в пример, которой все восхищались и которой пытались подражать. Ева любила готовить, стирать и делать уборку; в ее квартире всегда была идеальная чистота, полный холодильник и атмосфера спокойного уюта, располагающего к приятному отдыху. За шесть лет семейной жизни они с Олегом ни разу не поругались, вообще Ева от мужа не слышала ни одного грубого слова. Она была по-настоящему счастлива, довольна и удовлетворена своей жизнью. Но...

Позапрошлой весной, когда они обсуждали будущий отпуск, Олег предложил снять на месяц дачу в Мамонтовке. Ева тогда очень удивилась.

– Как же так, Олег, мы же...

– Видишь ли, Ева, нам придется провести отпуск в Мамонтовке!

– Придется?! Что это значит? Ты что, пообещал кому-то? Так откажись. На рыбалку можно поехать и в выходные. Разве я когда-нибудь была против или выражала недовольство? Разве я не отпустила тебя хоть раз?

– Дело не в этом... – Олег вздохнул. – Это связано с моей работой.

Олег Рязанцев был сотрудником службы безопасности, а интересы государства, как известно, – прежде всего. Ева не стала спорить. Раз это связано с работой Олега, она поедет. Работа – это то, против чего возражать бессмысленно! Она в этом уже не раз имела возможность убедиться.

Почему-то в то лето Ева особенно скучала. По утрам она готовила завтрак, кормила Олега, а потом брала книгу и уходила на речку загорать. Вообще-то загорать она не любила, но что же ей оставалось делать? На речке было полно комаров, вода мутная, а у берега лежал жирный глубокий слой ила, так что купаться ей тоже не хотелось. Пляж был дикий, и в туалет приходилось бегать в кусты. Словом, удовольствия от отдыха Ева не испытывала, а ощущала самое настоящее раздражение, которое было вовсе ей не свойственно.

Олег целый день был занят, естественно, он не говорил ей, чем, а вечерами приходил уставший, разговаривать ему не хотелось, а хотелось спать. Он ужинал и почти сразу же засыпал, а утром повторялось все то же. В дождливые дни Ева изнывала от скуки, глядя в окно на шумящий под дождем сад, на мокрые дорожки, ведущие к калитке и сараю, на лужи, на залитые водой стекла веранды. В доме становилось темно, как будто уже наступили сумерки, пахло сыростью и пучками мяты, которые Ева собирала и сушила, чтобы потом зимой добавлять в чай. В ее сердце рождалась тоска, переходящая в досаду на Олега. Она не могла объяснить себе, что ей не нравилось: на других женщин он не смотрел, все свободное время проводил с Евой, деньги все отдавал, в еде не привередничал... Что она от него хочет? Спокойный, надежный мужчина, настоящий друг.

Ева принималась ругать себя. Ну чего ей, в самом деле, надо? Ответа на этот вопрос она не знала, зато знала другое: то, что внутри ее образовалась какая-то непонятная ей самой пустота, которую хотелось чем-то заполнить. Эта пустота вносила сумятицу и раздражение в ее налаженную, благополучную жизнь, лишала покоя и порождала опасную и темную жажду чего-то неизведанного, что непременно должно у нее быть, чтобы жизнь была полна. Такая путаница в сознании Евы возникла не сразу, а исподволь, по мере того, как текла ее жизнь, в которой один день был похож на другой, а будущее ничего нового не предвещало. Она поняла, что ей не хочется думать о том, что будет завтра, – просто потому, что завтра будет то же, что и сегодня, что и вчера, что и... О нет!

В один из таких дождливых дней Ева сидела, глядя в окно на лужи, на лопающиеся на их поверхности пузыри, слушая, как стучит по крыше дождь, как шумит каплями в листьях запущенного сада. Утром она ходила на рынок за овощами и зеленью, потом перестирала все, что накопилось за неделю, повесила сушиться на веранде, потом в магазине на станции купила

мяса, чтобы нажарить Олегу котлет на ужин, и теперь, закончив все дела, отдыхала. Недовольство подкралось незаметно, как бы само по себе, привычное, как вечерняя скука. Она не заметила, как вошел Олег, как он разделся, вымыл руки...

– Есть хочется...

Он сел за стол и сразу устался в купленную Евой на станции газету. Она смотрела на его спокойное, усталое лицо, на залегшие под глазами тени и... начинала раздражаться. Он шел домой по дороге, на обочинах которой росли цветы и травы по пояс, закрывая заборы старых дач... Неужели не мог нарвать ей букет ромашек, мокрых, пахнущих дождем и сладкой свежестью? Принести, подарить, вместе с букетом поднять ее на руки, закружить по комнате, сказать, как он ее любит, поцеловать?..

– А что у нас на ужин?

О господи! Ева, подавив острое, внезапно возникшее желание вывернуть ужин на голову милейшего супруга, пошла на кухню, принесла картошку, горячие котлеты и салат.

– Ты что будешь – кофе, чай?

– Кофе, если можно.

Олег даже не посмотрел на нее. Ева вздохнула и отправилась наливать ему кофе. Положила две ложки сахара, как он любил, размешала.

– Олег!

– Да?

– Посмотри на меня!

Она поставила перед мужем чашку с дымящимся кофе.

– Сахар положила?

– Положила! – Ева почти кричала.

Олег удивленно поднял на нее глаза.

– Что-то случилось?

– Случилось. Мне скучно!

Супруг посмотрел на нее терпеливым, полным понимания и сочувствия взглядом, каким смотрят на детей, когда те требуют невесть чего.

– Завтра пойдем в гости, – сказал он, как всегда, спокойно, негромко, уговаривая ее, как несмышленого ребенка. – Там немного развеешься. Будут шашлыки и красное вино, как ты любишь.

– А люди? Люди там будут?

Олег снова поднял на Еву глаза. Она сегодня какая-то странная, не такая, как всегда.

– Мы пойдем в гости к очень интересному человеку. Думаю, тебе понравится! Помнишь тот дом, который привел тебя в восторг, когда мы гуляли по поселку?

– Конечно! Нас что, приглашает его хозяин?

– Вот именно!

– Олечка! – Ева вскочила и бросилась обнимать супруга, просто повисла на нем, визжа от радости. – Как мне хотелось там побывать!

Ее плохое настроение испарилось. Она прошла в спальню и уселась за туалетный столик, любуясь на себя в старинное, отделанное орехом трюмо. Еве в этом году исполнилось тридцать, но она выглядела гораздо моложе. Она была хороша собой, но не на всякий вкус: несколько полновата, с круглым румяным лицом, большими темными глазами и пшеничного цвета косой, которую заплетала сзади, подвертывала и закалывала шпильками. Спереди она всегда гладко зачесывала волосы, оставляя лоб и виски открытыми, а в уши вдевала длинные тяжелые серьги.

Она разделась, провела рукой по своей груди и вздохнула. Ей захотелось любви, долгой, на всю ночь.

– Олег! – Наверняка он скажет, что устал. – Ты идешь?

– Я так устал!

Супруг улегся, обнял ее за плечи и через минуту захрапел. Ева некоторое время ждала чего-то, хотела его разбудить, но передумала. Она осторожно сняла со своего плеча руку мужа, отвернулась и беззвучно заплакала... тихо-тихо, как котенок, чтобы не разбудить спящего мужчину. Слезы все катились и катились по ее мокрому лицу... О чем она плакала? Ева и сама не понимала этого. Она все плакала и плакала, долго, безутешно, пока не устала и не уснула, уже под утро, лилово светящееся сквозь закрытые шторы.

Весь следующий день до вечера Ева думала о том, как она пойдет в гости к хозяину понравившегося ей дома. Ей нравились эти добротные, большие деревянные дома с высокими чердаками, украшенные причудливой резьбой, со ставнями на окнах, с крытыми верандами и застекленными башенками на крышах. Она любовалась ими, представляя себе, каково их внутреннее убранство, прохладный полумрак комнат с каминами, кафельными печами, высокими потолками и запахом хорошего сухого дерева. И вот ее мечта осуществляется! Как интересно! А она еще сердилась на Олега!

Ева почувствовала угрызения совести, расчесывая перед зеркалом свои роскошные волосы и заплетая их в неизменную косу. Она надела единственное взятое с собой нарядное платье, пепельно-серое с фиолетовым отливом, а из украшений – только крупные серебряные серьги с темными дымчатыми топазами и такое же кольцо.

– Ты готова?

Олег мельком посмотрел на ее наряд, но ничего не сказал. А ей так хотелось услышать от него слова восхищения!

Они шли по высохшей за день дороге мимо высоченных сосен, буйно цветущих трав, густых зарослей крапивы и чистотела, над которыми кружили пчелы, жуки и бабочки. Ева смотрела по сторонам и думала об Олеге. Почему она стала ему неинтересна? Почему он не заметил, как она красиво причесалась, как она постаралась хорошо выглядеть, чтобы произвести впечатление на его друзей? Ведь красивая жена – это престиж мужчины, своего рода его визитная карточка. Ева никогда не жалела усилий, чтобы Олег Рязанцев, офицер службы безопасности, всегда был на высоте – во всем, и в этом тоже. Она его не подведет, ему не придется краснеть из-за ее глупого поведения или нелепого вида. Только почему-то он этого не ценит. Интересно, почему?

– Это здесь! – Олег толкнул незапертую калитку. – Нас уже ждут.

Дом в окружении сосен стоял, как теремок в заколдованном лесу. По ровной зеленой травке, резвясь, бегали собаки. У забора горели сложенные особым образом дрова, над которыми были установлены решетки для приготовления мяса. Сизый дымок поднимался вверх в нагретом за день безветренном воздухе.

– Не бойтесь, они не кусаются! Добрые, как дети! – улыбнулся хозяин и потрепал подбежавших к нему собак по загривкам.

Собаки действительно не выказывали ни малейшего беспокойства по поводу гостей, вторгшихся на их территорию. Ева заметила, как блеснули непонятным злым огнем их глаза, и тут же псы начали весело прыгать и лизать руки Олегу, который брезгливо спрятал их за спину. Он не был любителем животных. Хозяин заметил этот невольный жест гостя и прогнал собак.

– Меня зовут Денис Аркадьевич! – представился он и слегка поклонился Еве.

– Ева! – сказал Олег, глядя на супругу и чуть улыбаясь уголком губ. – Моя жена!

Денис Аркадьевич взял руку Евы, которую она протянула для рукопожатия, и поцеловал. Это оказалось так неожиданно! И приятно. Друзья Олега никогда так не поступали, да и сам Олег тоже. Ева улыбнулась от удовольствия, чувствуя себя царицей на балу. Ощущение было для нее новым, но очень ей понравилось.

– Прошу!

Хозяин сделал приглашающий жест рукой в сторону веранды, и Ева только теперь заметила нескольких мужчин, сидящих за круглым столом. Мужчины курили и смеялись, перед

ними стояли высокие стаканы и несколько открытых бутылок с белым и красным вином. Среди мужчин она узнала двоих сослуживцев Олега.

«Наверное, рассказывают друг другу армейские анекдоты!» – с неожиданным сарказмом подумала Ева и искоса посмотрела на своего супруга. Выражение его лица показалось ей глупым.

– Вы у нас единственная дама! – сказал хозяин. – Но даже если бы тут была сотня женщин, вы затмили бы их всех, Ева!

Хозяин красивого дома был высок ростом, хорошо сложен. На вид ему можно было дать лет сорок. Небольшой лишний вес не портил его представительную фигуру. Волосы, почти не тронутые сединой, были аккуратно подстрижены и уложены, красиво очерченные чувственные губы чуть усмехались, большие карие глаза «с поволокой» смотрели на Еву с плохо скрываемым восхищением. У этого мужчины были манеры, внешность и лицо аристократа, и только выражение глаз... Да нет, это ей показалось!

Ева подошла к столу, чувствуя на себе пристальный взгляд хозяина, и поздоровалась с остальными гостями.

– Садись! – сказал Олег жене, тут же усевшись и вступая в разговор, как будто он не только что пришел, а так и сидел здесь, не прерывая беседы.

– Простите! – Денис Аркадьевич подал Еве стул так, чтобы ей удобно было сесть. – Хотите вина? – Он наполнил ее стакан до половины. – Это грузинское, натуральное виноградное. Райский напиток. И райское имя! – Он улыбнулся. – Ева! Как красиво и необычно звучит!

Ева выпила немного вина и с неудовольствием слушала разговор Олега и его приятелей о рыбалке, футбольном матче, который вчера показывали по телевизору, о сезоне охоты на лис... Ей хотелось зевать, и она с трудом подавляла свое желание. Как ей все это надоело!

Один из приятелей Олега, Глеб, большой мастер по приготовлению жареного мяса на открытом огне, встал и отправился к решетке, чтобы перевернуть и побрызгать вином маринованные кусочки постной свинины, которые уже поджарились с одной стороны.

– Пойдемте, я покажу вам дом! – прочитал Евины мысли Денис Аркадьевич. – Вы позволите?

Олег Рязанцев даже не понял, о чем его спрашивают. Кажется, он был рад, что кто-то возьмет на себя скучную и надоевшую обязанность развлекать его жену. Он кивнул головой, тут же рассмеявшись над очередной репликой подвыпивших приятелей.

Еве почему-то стало неловко перед Денисом Аркадьевичем, как будто он подсмотрел ее главный секрет – то, что ее мужу на нее наплевать. Для него гораздо важнее этот глупый и пустой разговор, чем Ева, ее настроение, ее чувства, наконец.

Она с радостью встала из-за стола и направилась к дому вслед за его хозяином. Собаки сидели у двери и преданно смотрели на Дениса Аркадьевича.

– Моя охрана! – он усмехнулся, пропуская Еву внутрь дома.

Их обступил со всех сторон ароматный полумрак, полный таинственных шорохов и легких сквозняков. На низком столике в гостиной стоял огромный букет бордовых и белых пионов. Кафельная печь блестела синими изразцами. Шторы на окнах были опущены.

Ева подошла к небольшой картине в старинной бронзовой раме. В полумраке ей было плохо видно, что делали маленькие фигурки людей, то ли сидящие, то ли лежащие на траве под деревьями.

– Эта картина называется...

Денис Аркадьевич не договорил, или Ева не расслышала. Его губы оказались у самого ее уха, а руки мягко обнимали ее талию, и она чувствовала их тепло через тонкую ткань платья. Он расстегнул сзади «молнию», и его руки прикасались к ее груди под платьем, чуть выше бюстгалтера. Ева чувствовала чужие поцелуи на своем затылке и не собиралась мешать этому. Сначала она хотела досадить Олегу, а потом ей стало так приятно...

Когда Денис Аркадьевич отпустил ее, она немного огорчилась. От выпитого вина кружилась голова, а на сердце было легко-легко, как будто Ева сбросила груз обиды и пренебрежения. Олег давно не ласкал ее так, их секс стал обыденным и почти механическим. «А как было раньше?» – спросила себя Ева. Но так и не смогла вспомнить.

– Вы курите? – спросил хозяин дома, предлагая ей тонкие длинные сигареты в лакированной шкатулке.

Она отрицательно покачала головой. Как многого она не знает в жизни! Как много упущено!

– Хотите попробовать?

Ева хотела. Ее словно подменили. Она взяла сигарету и неумело прикурила от свечи, которую поднес Денис Аркадьевич.

– Я не умею курить!

Еве вдруг стало очень весело. Как хорошо, что Олег сидит там, на веранде, со своими скучными друзьями, и не мешает ей развлекаться! Оказывается, вот чего ей не хватало – развлечений! Таинственного сумрака, экзотических запахов, нежных прикосновений...

Хозяин дома стоял рядом, курил вместе с ней. Она чувствовала, как его рука сзади легла под платье на ее бедро, и ничего не предприняла, чтобы убрать ее оттуда. Наоборот, ей хотелось, чтобы эта рука переместилась вперед, на внутреннюю сторону бедер... Туман плыл в ее склоненной набок головке, сигаретный дым пощипывал горло. Она не вдыхала дым внутрь, боясь закашляться.

– Ева! – Его голос был тих и бархатен, сладок, как вино, как запах жасмина, доносящийся из сада через приоткрытые окна, как теплые летние сумерки...

– У нас идеальная семья, – вдруг сказала Ева, оборачиваясь и глядя прямо в его полуприкрытые глаза, в черные смоляные зрачки, которые источали страстный призыв.

– Я знаю, – ответил Денис Аркадьевич и прикоснулся к ее обнаженной груди.

Ева вздохнула и закрыла глаза. Она больше не хочет быть идеальной женой. Она хочет совсем, совсем другого...

Жена Олега Рязанцева тряхнула головой, отгоняя некстати нахлынувшие воспоминания. В воздухе пахло ванилью и горячим тестом. Господи! Она сожгла пирог!

Ева бросилась к духовке, обжигаясь, вытащила пирог и с облегчением вздохнула. Низ подрумянился чуть-чуть больше, чем нужно, но в целом все обошлось благополучно.

В прихожей резко, громко зазвонил телефон...

Глава 4

В приоткрытое окно врывались звуки перегруженного транспортом шоссе, летела пыль и лепестки черемухи. На столе у Громова, в его личном рабочем кабинете тоже стояло в высокой хрустальной вазе несколько веточек черемухи. Он не любил заморских цветов, дорогих, красивых и каких-то искусственных, будто восковых – без жизни, без запаха.

Игорь Анатольевич глубоко задумался и не сразу заметил секретаршу, которая уже несколько минут стояла напротив стола с запечатанным конвертом в руках. Всю корреспонденцию, адресованную лично ему, Громов прочитывал сам. Это было его незыблемым правилом.

– Спасибо, Алла Викентьевна, – сказал он секретарше и взял у нее конверт.

Молоденьких девчонок в его фирме было полно – ярких, модных и длинноногих, но секретаршу он себе выбирал не по ногам, а по уму и порядочности. Женщину с такими качествами отыскать непросто, особенно сейчас. Впрочем, наверное, как и всегда, во все времена.

Алла Викентьевна была коренная москвичка в третьем поколении, умнейшая, безукоризненно воспитанная, интеллигентная дама с докторской степенью и знанием двух языков, немолодая, но удивительно приятная, худощавая, высокая, с пронизательными серыми глазами. Гром обожал таких женщин, он, можно сказать, преклонялся перед ними и всегда жалел, что слишком рано женился, не успел найти подходящую спутницу жизни. Приходилось терпеть несколько вульгарную Тамару, супругу, с которой они прожили уже больше двадцати пяти лет. Гром по-своему любил жену – слишком много их связывало: первые трудности в Москве,

скитания по квартирам, рождение Маринки, его криминальное прошлое, потом полная риска и страха «деловая жизнь», похороны зятя, происшествие с Артемкой...

Игорь Анатольевич прощал жене неистребимо дурной вкус, явный излишек веса, любовь к золотым побрякушкам, которыми Тамара обвешивалась с ног до головы, полное отсутствие логики, каких-либо интересов, кроме еды и магазинов, и многое другое. Он мог себе позволить заводить молодых любовниц, чем и пользовался время от времени, разгоняя тоску. Но постоянной женщины у него никогда не было.

Бывает, умный человек страдает необъяснимой слепотой, когда дело касается его собственных чувств. Необходим толчок извне, какой-то импульс, побуждающий слепца прозреть. Для Громова таким импульсом послужило приобретение статуэтки «Обнаженная Венера».

Бронзовая богиня, купленная на аукционе, странным образом открыла ему глаза, и он осознал, что тайно влюблен в Аллу Викентьевну, свою секретаршу, не очень молодую и не очень красивую женщину, которая напоминала ему графинь и княгинь с портретов Рокотова, загадочных и немного печальных. Живопись была его хобби: альбомы с репродукциями занимали целый стеллаж в рабочем кабинете и значительную часть домашней библиотеки, которую в основном составляли книги по искусству и серия «Музеи мира». Игорь Анатольевич был частым посетителем музеев и художественных выставок, куда его сопровождала Алла Викентьевна, которая и составляла культурные программы. Они бродили по гулким, пахнущим пыльными портьерами, лаком, старыми холстами и деревом, залам, делились впечатлениями и чувствовали себя удивительно, необъяснимо счастливыми.

До сих пор Громов даже сам себе не признавался, какие чувства испытывает к своей секретарше. Просто она была ему нужна, необходима – каждый день, из месяца в месяц, из года в год. Он дарил ей в праздники дорогие и изысканные подарки, объясняя это собственным хорошим воспитанием, и платил почти такую же зарплату, как и своему коммерческому директору. Алла Викентьевна была предана своему шефу всей душой, и он мог быть абсолютно спокоен за свои тылы.

Странно, но, добившись финансового благополучия, деловой известности и получив возможность отдаваться совершенно другим интересам, Громов почувствовал себя так, словно он всю жизнь занимался чем-то подобным. Весь его путь к вершине был не чем иным, как расширением возможностей заниматься тем, что ему нравится и радует душу. И Алла Викентьевна была частью этого другого, нового мира, к которому он стремился. Если уж быть откровенным до конца, то даже политикой он решил заниматься в значительной степени из-за нее, Аллы, – чтобы стать для нее более интересным и привлекательным.

Никто не догадывался о его истинном отношении к секретарше, кроме Дениса Аркадьевича. Однажды, за очередной партией в шахматы, у них зашел разговор о женщинах.

– Чудесные игрушки! – сказал Матвеев, поднимая на Громова глаза после очередного удачного хода.

– Шахматы? – не понял тот.

– Да нет, что вы! Я о женщинах...

Денис Аркадьевич откинулся на спинку плетеного кресла и прикрыл глаза рукой. Все его жесты напоминали Громову прекрасно разыгрываемый спектакль под названием «Московский барин».

– Курите?

Громов взял из шкатулки длинную сигару с золотым ободком. Дым хорошего табака отвлекал его от мрачных мыслей о неизбежном проигрыше, который вновь обозначился на инкрустированной слоновой костью шахматной доске. «Так и комплекс неполноценности может развиваться», – недовольно подумал он.

– Как вы считаете, кого предпочитают женщины? Победенных или победителей?

Денис Аркадьевич как будто прочитал мысли гостя. Громов немного растерялся.

– Ну... судя по всему, победителей...

– Всегда ли? – улыбнулся Матвеев, выпуская дым сигары вверх, в рассеянную голубизну неба. – Женщины бывают разные, как и мужчины: сильные и слабые. Я вообще считаю, что это основное отличие в людях. Так вот: женщины послабее предпочитают проигравших – им можно выражать сочувствие, поддерживать и становиться им нужными, постепенно приобретая таким образом власть над мужчиной-неудачником.

Громов поморщился. Ему не нравилась тема, унижающая достоинство мужчин. Но было интересно послушать Матвеева. Игорь Анатольевич был старше своего собеседника, хотя иногда казалось, что все как раз наоборот. И Денис Аркадьевич представлялся Громову мудрым и хитрым змеем-искусителем, живущим вечно.

– Какие женщины, по-вашему, любят победителей?

– О! – Матвеев поставил локти на стол и сложил пальцы рук в замок. – Победителей любить сложно! Женщины, которые отваживаются на такое, предпочитают любить своих кумиров тайно, обожать их из-за кулис, никогда открыто не появляясь на сцене. Потому что как именно будет развиваться действие, никто не знает. Невинный фарс может перейти в драму, а драма – в трагедию! Или наоборот!

Денис Аркадьевич засмеялся одними губами, тогда как его глаза внимательно наблюдали за собеседником.

– А вы каких партнеров предпочитаете? – поинтересовался Громов.

– Я? Сильных, конечно! Игра всегда интереснее, когда противник достойный. Подавленными и побежденными людьми легче управлять... Они слушаются, но это быстро надоедает. Если люди независимы, на них трудно, а часто и невозможно воздействовать силой. Вот тут-то как раз и приходится пускать в ход истинное искусство игры!

– Но людьми нельзя играть! – вырвалось у Громова.

Он сам не ожидал такого всплеска эмоций, и ему стало неловко за себя.

– Ой ли?! – насмешливо посмотрел на него Матвеев.

Игорь Анатольевич ничего не ответил. Он понял, на что намекает собеседник, но это его не смутило. Да, он не считался с людьми, подчиняя их своим интересам, иногда расправлялся, жестоко, по законам своего собственного представления о справедливости, но он никогда не считал людей игрушками и не забавлялся ими. Это не могло бы доставить ему удовольствия.

– Нет, – отрицательно покачал он головой. – В эти игрушки я не играю.

– Конечно, – убрал улыбку с лица Матвеев. – Алла Викентьевна слишком хрупкая, тонкая, слишком ценная игрушка, чтобы ею играть. Такую вещь безопаснее держать в шкафу за стеклом и только изредка любоваться ею! Сдувать пылинки и мечтать о прикосновениях, легких, как сердечная дрожь...

Если бы Громова внезапно окатили ледяной водой, он бы и то, наверное, почувствовал себя лучше, чем от последних слов Дениса Аркадьевича.

– Знает ли она о вашем прошлом, уважаемый Игорь Анатольевич? – продолжал Матвеев, пуская дым от сигары кольцами. – Например, о совсем недавнем. Что на самом деле произошло с вашим вторым зятем Андреем? Или куда делся Штырь? А?

Громов снова не нашелся, что ответить, только в глазах его бешено метнулся злой огонь.

Денис Аркадьевич понял, что задел весьма опасную струну в непростой душе своего собеседника, и сразу прекратил разговор на эту скользкую тему, переключившись на погоду, собак и шахматы как ни в чем не бывало. На его лице появилось на мгновение и тут же исчезло выражение почти плотоядного удовлетворения, как у крокодила, только что проглотившего лакомый кусочек. Он понял, что Громов у него на крючке и что крючок этот – милейшая Алла Викентьевна, дама сердца сурового и закаленного в боях «черного ковбоя» – настолько крепок, что Игорь Анатольевич никогда с него не сорвется.

Громов очнулся от размышлений и покрутил в руках принесенный секретаршей плотный белый конверт. Из окна тянуло запахом молодых листьев и нагретого асфальта; легкий ветерок раздувал занавеску.

Игорь Анатольевич покачал головой и нехотя вскрыл конверт. Внутри оказалась коротенькая записка, содержание которой повергло Громова в шок. Минут десять, а то и больше он просидел неподвижно, уставившись в окно на горящее оранжевыми стеклами соседнее здание банка, ничего вокруг себя не видя, не замечая. Потом, словно не веря своим глазам, он несколько раз перечитал записку. В ее содержании ничего не изменилось.

Громов посидел еще немного, глубоко задумавшись, и позвонил секретарше.

– Алла Викентьевна, – сказал он, стараясь, чтобы голос не дрожал. – Найдите, пожалуйста, Смирнова и соедините меня с ним, если он на месте.

Смирнов, бывший десантник, потом спецназовец, потом безработный, потом сотрудник охраны Игоря Анатольевича Громова, уже полгода занимался частным бизнесом: оказывал услуги разным людям в различных щекотливых ситуациях. Разумеется, за вознаграждение, притом весьма и весьма немалое. Такой уж у Славки Смирнова был независимый и самостоятельный характер, что он не смог долго удержаться ни в армии, ни тем более на службе у Громова. Он был классным специалистом, надежным товарищем, умелым и хладнокровным бойцом – но предпочитал действовать на свой собственный страх и риск, будучи просто не в состоянии подчиняться чьим бы то ни было приказам. Вернее, как он сам говорил, «если начальник умный, я бы его послушал» – то есть с умными начальниками Смирнову хронически не везло. Исключительно поэтому он решил, что заниматься своим делом сможет, только подчиняясь сам себе, своей интуиции и следуя своим собственным планам.

Вообще-то его звали Всеслав, как какого-нибудь древнего русского князя, чем он очень гордился, считая, что имена людям даются не зря. Хотя в жизни все обстояло намного проще – его мама увлекалась древнерусской историей, ездила на раскопки в Суздаль, еще когда была студенткой исторического факультета, и в честь какого-то безвременно и героически погибшего воина Всеслава назвала своего первого и единственного сына. Но сын на нее за это не обижался. Ему нравилось свое имя, как, впрочем, и все остальное – внешность, лицо, ум, талант и профессия. Славка был одним из немногих людей, которые сами себе нравились и практически всегда были собой довольны.

Алла Викентьевна потратила около часа, разыскивая Смирнова, пока, наконец, не застала его дома. Смирнов всю ночь занимался какой-то сомнительной слежкой, под утро еле уснул, отключив телефон, а когда проснулся, то отправился в спортзал своего друга Рената, где занимался физическими упражнениями и усовершенствованием навыков ближнего боя. Славка любил свое красиво развитое, сильное тело и с удовольствием уделял ему внимание, поддерживая в отличной форме.

Он пришел из спортзала домой, принял душ и уселся на кухне пить сок, когда вспомнил, что пора включить телефон. Аппарат тут же принялся трезвонить на всю квартиру, в которой Смирнов проживал совершенно один. Отца своего он не помнил – им был мамин однокурсник, за которого она не пожелала выходить замуж и так и прожила всю жизнь, воспитывая Славку и разъезжая по раскопкам то в Смоленск, то в Чернигов, то в Новгород. Сына она сначала определила в суворовское училище, потом в следующее по рангу, потом... Словом, парень рос на казенных харчах, и только неистребимое жизнелюбие и оптимизм, а также жажда счастья и радостей, которые он умел находить буквально во всем, помешали ему превратиться в желчного и вечно всем недовольного брюзгу, озлобленного на весь мир.

Когда мама бывала дома, то к телефону подходила она. Но сейчас она уехала к своей подруге в Киев, помогать работать с какими-то старинными рукописями, и Смирнову приходилось самому отвечать на звонки.

– Здравствуйте, Алла Викентьевна! Страшно рад вас слышать!

Славка действительно был рад. Он не умел кривить душой, к тому же ему в самом деле нравилась секретарша Громова, его бывшего шефа, которую он даже немного побаивался. Во всяком случае, Смирнов не мог себе позволить разговаривать с Аллой Викентьевной, жуя жвачку или засунув руки в карманы. И вообще он чувствовал себя перед ней как нашкодивший паж перед своей королевой. Такая уж она была женщина, эта Алла Викентьевна!

– Когда вы обзаведетесь сотовой связью? – добродушно осведомилась она.

– Зачем? Чтобы не иметь ни минуты покоя?

– Я вас соединяю с Игорем Анатольевичем! – сказала она так, как будто посвящала Славку в рыцари. И он застыл с благоговением, ожидая невесть чего...

Голос Громова вывел его из мимолетного сна о королях, лилиях и влюбленных пажах. Бывший шеф просил Смирнова немедленно приехать к нему в офис по срочному делу, которое невозможно изложить по телефону.

– Возьми такси, ради бога! – взмолился Громов, когда Славка сказал, что только через час-полтора доберется, потому что у него машина в ремонте. – Все расходы за мой счет!

Бывший шеф мог быть резким, требовательным, иногда он нецензурно ругался, но жадность не относилась к большому числу его пороков. Это Славке в нем нравилось, и он охотно исполнял мелкие поручения Игоря Анатольевича. В этот раз по голосу шефа чувствовалось, что дело нешуточное.

Поездка в такси из-за многочисленных пробок на дорогах оказалась довольно утомительной, и Славка, изнывая от жары и нетерпения, перебирал в уме, что же такое могло случиться у Громова. Дело, по-видимому, деликатное, раз Игорь Анатольевич обращается к Славке, а не задействует свою службу безопасности. И строго конфиденциальное.

Громов доверял Смирнову как самому себе, так как не раз имел возможность убедиться в Славкиной честности и профессионализме. Порядочных людей Громов чувствовал за версту, к тому же и Алле Викентьевне парнишка нравился. Лучшей рекомендации не требовалось. Игорь Анатольевич не хотел увольнять Смирнова, но сделал это, понимая, что силой человека не удержишь. У них были расхождения по поводу дисциплины и взглядов на некоторые вещи, но в основном Громов и Смирнов друг другу подходили. Славка предпочел свободные деловые отношения, нежели схему «начальник – подчиненный», и Громову пришлось с этим согласиться.

Поднимаясь по мраморной лестнице в кабинет Игоря Анатольевича, Славка вздыхал, чувствуя, что ему предстоит не совсем обычная, а значит, требующая особых усилий и напряжения ума работа. Думать почему-то не хотелось. Наверное, действовал летний денек. На город лилось голубое небо, лужи на тротуарах не успели высохнуть после вчерашнего дождя, молодая умытая листва блестела на солнце. В садах и скверах стоял запах цветов и травы, будил в груди то особое, ни на что не похожее настроение тревожного ожидания чего-то прекрасного и необыкновенного, не объяснимого словами...

В кабинете Игоря Анатольевича тоже пахло сиренью. Ветер дул в окна, шевеля короткие занавески. На столе стояла бронзовая пепельница, полная окурков. Значит, хозяин кабинета нервничал.

– Слава! – Громов вышел из-за стола и сел в кресло рядом со Смирновым, подчеркивая доверительность беседы и уважение к гостю. – Случилась одна очень неприятная для меня вещь.

– Какая?

– Умер один человек...

Славка молчал, ожидая продолжения. Считалось, что он умел «держат паузу», а на самом деле он просто не любил лишней болтовни.

– Его убили, – продолжил Громов.

Это меняет дело. Славка так и знал!

– Я должен узнать, кто и за что? Всего-то?

– Неплохо было бы, – вздохнул Громов. – Но это не так важно. Убитый любил писать... дневники или записки, я точно не знаю... Их пока не нашли.

– Кто не нашел?

– Ну... полиция, органы... не знаю. Непростой это, Слава, был человек, очень непростой. Много знал, еще больше мог предполагать с большой долей достоверности. Что он там писал в своих записках?... Хотелось бы найти их раньше других и уничтожить... пока никто не прочел. Нельзя, чтобы они в чужие руки попали. Понимаешь меня?

– А вы уверены, что дневники существуют?

Громов кивнул головой.

– Откуда вы знаете?

– Этот человек сам говорил мне о том, что любит записывать все... что... В общем, понятия не имею, что он там излагал, но... Надо их найти!

– А где искать? И вообще кто это? Что за человек?

– Искать придется на даче и в московской квартире. Больше ему вроде как держать их было негде. К тому же они всегда должны были быть под рукой. Не бежать же человеку за тридевять земель, если вдруг потребуются записать какую-то мысль или факт? Думаю, он держал бумаги рядом с собой. Но вот найти их будет непросто. Замысловатая личность их писала и прятала. Значит, такая же личность и найти их сможет. Остальным это не под силу. Погибший не скрывал существование дневников, значит, был уверен, что они в надежном месте.

– Вы мне льстите, Игорь Анатольевич! – засмеялся Славка. – Что-то раньше вы о моей личности были не такого хорошего мнения!

Громов усмехнулся.

– Значит, я умею скрывать свое истинное отношение к сотрудникам.

– Ладно, я понял задачу. Найти бумаги и принести их вам?

Громов задумчиво посмотрел в окно, побарабанил пальцами по подлокотнику кресла.

– Знаешь что? Если будет хоть малейшая опасность, что записки могут попасть в чужие руки, то сожги их на месте! Я тебе доверяю. Хотелось бы, конечно, почитать, но... риск слишком велик. Много охотников найдется до этих бумаг! Ой, много! Продолжение игры!..

– Что?

– Не обращай внимания, это я так...

– Мне нужны сведения об этом человеке, Игорь Анатольевич.

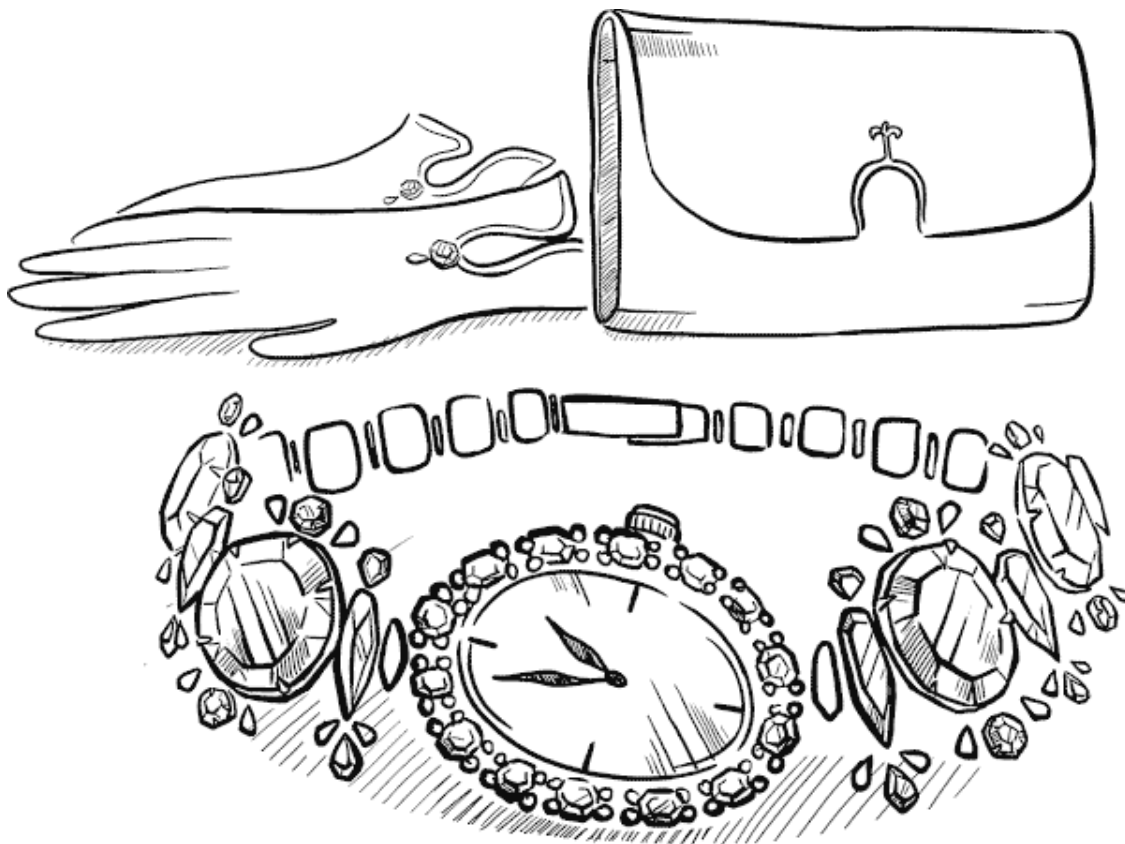
– Конечно! Расскажу все, что знаю. А если что упущу, ты сам спрашивай.

Игорь Анатольевич позвонил секретарше и велел до конца дня никого к нему не пускать и ни с кем не соединять.

Громов и Смирнов сидели в кабинете почти до вечера, разговаривая, обсуждая и уточняя детали. Алла Викентьевна принесла чай с бутербродами, которые так и остались нетронутыми.

На Москву медленно опускалась тихая, душистая ночь, полная влаги и разноцветных огней...

Глава 5

Виктор приехал из офиса поздно, он только утром вернулся из Вологды: пришлось разгребать накопившиеся дела – и застал Аглаю в слезах. Он тут же пожалел, что не купил по дороге домой цветы. Но... в прошлый раз, когда он преподнес жене букет роз, которые та очень любила, у них вышла размолвка.

– Раз ты купил цветы, – заявила Аглая с напряженными нотками в голосе, – значит, виноват. Заглаживаешь вину! Так бы я спросила тебя, где ты был, почему задержался? А раз ты даришь мне цветы, вроде как ссору затевать неловко. Стало быть, я должна растаять от восхищения и броситься тебе на шею?!

– Прости, я действительно задержался, потому что пришлось просчитывать некоторые варианты, обсуждать несколько сделок за последний месяц – это была просто работа, рутинная работа. Но цветы я купил не потому, что виноват, а потому, что хотел доставить тебе удовольствие! – ответил он.

Виктора настораживало поведение жены. Раньше ее совершенно не интересовало, где он и почему не дома. Кажется, она даже была рада, что он отсутствует – хлопот меньше. Ей и так не скучно: то по телефону болтает, то сама допоздна ездит где-то... Виктор никогда не устраивал ей сцен по этому поводу. У нее профессия такая – приходится быть на виду, среди людей. Иначе где брать материал для журнала? И вообще, Аглая любила общество, а он ее ограничивал, потому что ревновал. Да, ревновал! Мучительно и безнадежно, понимая, насколько бессмысленны его страдания.

Виктор был умным мужчиной и знал себе цену, но, когда он думал об Аглае, все его благоразумие и гордость испарялись еще быстрее, чем роса на листьях в солнечный день. Он просто с ума сходил, глядя на ее черные волосы, нежный профиль, на всю ее необычную, тонкую

красоту, которой не было и не могло быть у других женщин. Иногда на Виктора накатывала такая тоска, что ему хотелось выпить. Но много пить он не мог, а нескольких рюмок ему не хватало, чтобы забыться. Тогда он с головой уходил в работу, с болезненным удовлетворением замечая, что жене, в сущности, все равно, дома он или в офисе, есть он или его нет.

Лежа ночами без сна, он думал о своей любви к жене, которая поглощала его целиком, превращая все остальное лишь в атрибуты, в приложение к этому главному событию в его жизни, которое продолжалось, усиливаясь и становясь все более важным для него. Друзья и коллеги говорили о своих отношениях с женами легко, шутя и посмеиваясь. Они придерживались мнения, что любовь с годами проходит, надоедает и угасает и что после трех лет супружеской жизни говорить о каких-то чувствах просто смешно. Виктор в таких разговорах не участвовал, потому что ему нечего было сказать. У него все не так, и это казалось ему странным. Может быть, у него какое-то психическое заболевание, вроде маниакального синдрома влечения к одной женщине? Даже такие мысли приходили ему в голову! Иногда ему хотелось высказаться Аглае, объяснить, как много она значит в его жизни, как он мечтает о ней, как будто она вовсе не его жена, а просто случайно залетевшая в его квартиру сказочная жар-птица, на которую он и прав-то не имеет и живет в вечном страхе, что птица эта в один прекрасный момент взмахнет крыльями – да и улетит в дальние края... Но Виктор ничего подобного Аглае Петровне не говорил. Ему казалось, что супруга уставится на него своими горящими глазами, недоумевая, что это такое взбрело в голову Дунаеву и с какой стати она должна его выслушивать, а потом засмеется, звонко, закидывая назад голову, как только она одна умеет это делать... Словом, высмеет незадачливого мужа, на этом дело и кончится!

Быть еще и осмеянным Виктору совсем уже не хотелось, поэтому о своих чувствах к жене и о своих семейных и интимных отношениях он никому никогда не рассказывал. Если спрашивали – отшучивался, а не спрашивали, так и того лучше.

Ложась с Аглаей в постель, он всегда волновался, как перед первым свиданием, боясь не угодить ей своими ласками или вызвать неудовольствие какой-нибудь неловкостью. Открыто свои желания он никогда не высказывал и слишком бурного проявления страсти старался избегать, всячески сдерживая свои порывы. Ему казалось, что Аглае это не понравится, что она начнет смеяться, и... Об этом лучше было не думать. Виктор с ужасом замечал, что его потенция дает сбой за сбоем. Он был в отчаянии и даже попробовал несколько раз переспать с другими женщинами, но это оказалось так противно, что он отказался от подобных попыток испытать себя.

Самое странное, что Виктор Дунаев был довольно привлекательным мужчиной и пользовался успехом у противоположного пола. Многие женщины искали его внимания и делали более чем откровенные намеки. Виктор умел и повеселиться, и деньги заработать, и поговорить с ним было интересно, потому что он обладал острым умом, понимал юмор и много знал. Чем он был не хорош для собственной супруги, оставалось загадкой.

Однако сегодня Аглая вела себя более чем непонятно. Отчего-то плачет, упрекает, что он задержался! Удивительно! Когда это ее интересовало, где он ходит и почему его нет дома?!

– Что-то случилось? – спросил он, раздеваясь и проходя в комнату.

– Наконец-то! – язвительно проговорила Аглая. – Удосужился поинтересоваться, что происходит его женой! Спасибо, дорогой, уважил! Проявил заботу...

Войдя в гостиную, Виктор сразу обратил внимание на новый пейзаж, купленный супругой в одном из антикварных магазинов, которые были ее страстью. Пейзаж в дождливо-печальных тонах Виктору не понравился, но сказать об этом он побоялся: как бы Аглая не решила, что ему жалко денег и он раздосадован покупкой. Лучше сделать вид, что не заметил.

– Ну, конечно, так я и знала! – возмутилась супруга. – Ты даже не заметил! Прошел мимо картины, как... Тебе наплевать на то, чем я живу! Ты нарочно делаешь равнодушный вид, чтобы испортить мне настроение! Ты...

Она села в кресло и заплакала.

Виктор окончательно растерялся. Он ничего не понимал. Воистину сегодня вечер сюрпризов! Аглая устроила ему сцену, теперь плачет! Потрясающе! Может быть, он спит и все это ему снится? Что там положено сделать, чтобы проснуться? Ущипнуть себя? Виктор не успел проверить, так это или нет, потому что Аглая вдруг вскочила и пересела на диван, потянув мужа за руку. Он сел рядом, обнял ее...

– Виктор! Со мной сегодня произошло ужасное! Я видела... видела...

Она вся дрожала, а руки у нее были холодные как лед.

– Что? Что ты видела?

– М-мертвеца...

– Где?! – изумился Виктор.

– У... у него дома... Я ездила к нему на дачу. Вернее, у него там не дача, а загородный дом, где он проводит много времени. Он... Я хотела взять у него интервью, для журнала. А он... мертвый! Я так испугалась, Виктор, я так кричала, так бежала прочь из той страшной комнаты, где он лежал... с синим лицом...

– Подожди, я ничего не понимаю. Ты что, была там одна?

– Ну да... или нет, я не знаю. Мы приехали...

– Кто «мы»? – перебил ее Виктор. Он уже понял, что Аглая не шутит и что она действительно попала в странную и страшную историю.

– Я и таксист! Я взяла такси, потому что не люблю ездить электричками, ты же знаешь! А машина в ремонте. Тем более что было довольно поздно, около девяти вечера. Мы заранее договорились на это время... Ну и... я пошла в дом, дверь оказалась открыта... горело только одно окно, в той комнате, в той...

– Успокойся. – Виктор взял ее руку в свою и мягко сжал ее. – Принести тебе горячего чая?

Аглая отрицательно покачала головой.

– Нет! Я... хочу рассказать, как это было... Мне так страшно!

– Хорошо. Ты пошла в дом одна?

Она кивнула.

– Я попросила таксиста, чтобы он подождал меня. Мне не хотелось задерживаться надолго, потому что было уже довольно поздно, стемнело, и я... мне... было не по себе. Не знаю почему! Я прошла в темноте через коридор и пару комнат, туда, где горел свет...

– Почему ты не позвала хозяина?

– Я звала, но никто не откликнулся. Я подумала, что он не слышит, мало ли... всякое бывает. Ну и... зашла, а он... лежит на полу... Виктор! У него было такое ужасное, синее лицо...

– А... отчего он умер, по-твоему?

– Его убили! – Аглая сказала это с полной убежденностью, глядя на мужа широко открытыми глазами, как будто у нее не было по этому поводу ни малейших сомнений.

– Ты уверена? – на всякий случай переспросил Виктор.

– Конечно, уверена!

– А как? Застрелили? Ножом... или...

– Нет, я ничего такого не видела. И крови не было. Мне кажется, его ударили по голове чем-то тяжелым. Я очень испугалась и убежала, но... там, рядом с ним, валялась бронзовая статуэтка...

– Статуэтка?

– Ага... очень изящная, что-то вроде Венеры... в стиле Бенвенуто Челлини. Ты знаешь, как я обожаю такие вещи, и я невольно... запомнила. Мне хотелось посмотреть на эту Венеру поближе, но я... побоялась...

– Ты ничего там не трогала?

– Боже, Виктор, если ты об отпечатках пальцев, то... – Она повернулась и в упор уставилась на мужа. – Неужели ты думаешь... Ты что? Этот человек был мертв давно, он... был уже холодный.

– Ты что, прикасалась к нему?

– Ну да! Я сначала не поняла, что случилось, подумала – он просто упал... Может же стать плохо человеку? Вот я и... наклонилась и потрогала, а он... Ужас! Тут я закричала и бросилась на улицу. Слава богу, что таксист не уехал! Он все еще ждал меня, и мы... позвонили в полицию. Пришлось долго ждать... А потом... все эти расспросы... Еле-еле нашли понятых, привезли каких-то пенсионеров, чуть ли не с окраины поселка. Оказывается, там почти все дома пустуют в это время года.

Аглая Петровна вздохнула и замолчала. Молчал и Виктор, обдумывая услышанное.

– Хорошо, что со мной был водитель такси, – сказала она. – Он подтвердил, что мы только что подъехали и что я была в доме пару минут, не больше... Там полно всяких красивых и старинных вещей! – неожиданно воскликнула Аглая, и ее лицо просветлело. – Одна только статуэтка кучу денег стоит.

«Она неисправима! – подумал Виктор. – Обращать внимание на какие-то вещи в такой момент! Господи, что за женщина!»

– Там очень уединенное место... Этот человек жил один, и кто угодно...

– Его убили с целью ограбления?

– Полицейские сказали, что не похоже... Вроде ничего не пропало. Хотя... У него были собаки! – снова неожиданно переменила направление мысли Аглая Петровна. – Два откормленных бультерьера, они всегда свободно бегали по территории дачи. Они бы никого не впустили в дом просто так!

– Откуда ты знаешь?

– Хозяин предупредил меня, когда мы договаривались о встрече. Он сказал, что сам встретит меня у калитки.

– А как же ты тогда вошла? – удивился Виктор.

– Собаки были закрыты в вольере!

– Странно...

Аглая Петровна согласно кивнула. Ей тоже показалось странным это обстоятельство.

– Но, может быть, он ждал меня и закрыл собак, чтобы не выходить на улицу...

– Может быть, – сказал Виктор. Ему захотелось выпить.

– Но полиции я об этом не сказала! – заявила супруга. – Пусть сами думают! Почему я должна им помогать? Они ехали целую вечность! Какого страха мы натерпелись, там, в темноте, одни... рядом с домом, в котором лежал мертвец...

«Она такая впечатлительная!» – подумал Виктор, а вслух произнес:

– Ты так и не сказала, кто был тот человек, которого убили.

– Разве? А... сейчас... – Аглая задумалась. – Принеси мою сумочку.

Виктор подал ей сумку, сам себе удивляясь. Ему было так приятно что-то принести ей, подать, услужить... Он смотрел, как она роется в сумочке, и таял от нежности. Черт! Что она с ним делает! Аглая была не причесана, не накрашена, с красными, опухшими глазами и лицом, в старой махровой футболке – но все равно она оставалась необыкновенно красивой, загадочной в этой своей открытости страха и горя, растерянности, интимности слез, которую Виктор мог ясно видеть, потому что находился с ней рядом. Он был счастлив, несмотря ни на что! Глупо, по-дурацки счастлив!

– Чему ты улыбаешься? – спросила Аглая, мельком глянув на мужа. – Тебе что, весело?

– Нет! – поспешно возразил Виктор, поддавшись привычному опасению огорчить супругу. – То есть да! Я рад!

– Что же, позволь спросить, вызывает у тебя такую радость?

– То, что я тебя вижу! Что ты рядом со мной... Что я могу обнять тебя, утешить, подать тебе сумочку...

– О Виктор! – Глаза Аглаи Петровны внезапно снова наполнились слезами. – Почему? Почему ты никогда раньше не говорил мне этого?!

– Ну... – Дунаев пожал плечами. А действительно, почему?

– Вот! Нашла! – Аглая победоносно посмотрела на мужа, выудив наконец из необъятных недр сумочки блокнот и раскрывая его на нужной странице. – Это... Матвеев Денис Аркадьевич, знаменитый кинолог, владелец дорогого частного собачьего клуба.

– Владелец собачьего клуба? – удивился Виктор. – Чем он тебя заинтересовал?

– Он не только кинолог, – как-то вяло, нехотя возразила Аглая. – Хотя сама собачья тема сейчас очень популярна среди состоятельных людей! Многих интересуют собаки. Особенно такие, каких разводил и обучал Матвеев. Но дело не в этом. Он... был тонкий психолог, знаток человеческих пороков и... страстей, наверное. Мои читательницы любят сложные рассуждения, парадоксальные выводы, нетрадиционные советы... Ты знаешь мою рубрику! Чтобы привлечь внимание, нужно предлагать людям необычное, выходящее за привычные, надоевшие рамки... Когда изо дня в день повторяется одно и то же, это так скучно!

Виктор уловил в голосе жены то ли упрек, то ли досаду, то ли оправдание – он не мог определить точнее. Но сразу почувствовал себя виноватым. Почему он так мало бывает с ней? Почему не придумывает каких-нибудь развлечений? Женщинам хочется праздника! Одни говорят об этом открыто, другие, как его супруга, пытаются создать его себе сами, скорее всего, даже не задумываются, чего им не хватает, почему их раздражает мужчина, который всегда рядом...

Виктор вздохнул и обнял жену. Кажется, он начинает понимать свои ошибки. Хорошо, если еще не поздно!

– Пойдем спать! – мягко сказал он. – Тебе нужно отдохнуть!

– Да... да, ты прав... я так устала...

Аглая Петровна позволила мужу увести себя в спальню и уложить в постель. Он принес ей чашку с чаем и увидел, что она уже уснула, свернувшись калачиком, – такая маленькая, беззащитная... Шпильки выпали, и ее черные волосы в беспорядке рассыпались по подушке. Виктор осторожно, стараясь не разбудить, наклонился и поцеловал ее теплые полуоткрытые губы. Аглая тревожно шевельнулась, и он успокаивающе погладил ее по плечу.

– Я с тобой, девочка моя, – прошептал он, ставя чашку на тумбочку у кровати и выключая ночник. – Все хорошо! Я все понял, поверь мне! У нас все будет по-другому.

Аглая Петровна спала и видела во сне зеленую равнину, по которой она долго шла с Виктором, а потом... небо закрыли тучи, стемнело, она потеряла счет времени и заблудилась... возле нее неожиданно оказался другой мужчина, красивый, уверенный в себе... Потом картинка сменилась. Вместо зеленой равнины появился старый запущенный сад, по которому они гуляют с этим красивым мужчиной, он наклоняется и рвет мелкие голубые цветочки, забудки, подает ей букетик...

– Голубое удивительно смотрится вместе с вашими черными волосами. Голубое и черное – это земля и небо, это символ человеческой природы! Небесное и земное удивительным образом соединяется в людях! Они одновременно и святые, и грешники – и то, и другое...

– Я святая! – засмеялась Аглая Петровна.

– Вы ни разу не изменяли своему мужу?

– Представьте, нет! – она тряхнула головой. – А что, не похоже?

– Наоборот! Очень похоже. И это самое возбуждающее в женщине – когда она святая. Согрешить с такой особенно сладко! Что толку совращать грешниц?

Они смеялись, заходя все дальше в густые заросли сада, который постепенно и плавно превращался в лес, полный горячего запаха коры, зелени и цветов... Кажется, они сбились с тропинки и теперь просто шли по высокой душистой траве, в которой звенели кузнечики.

Небольшое обмелевшее озеро, с берегами, заросшими камышом и аиром, преградило им дорогу. Перейти на другую сторону можно было только по заболоченной тропинке, пролежавшей между густых зарослей цветущей мяты. Аглая Петровна остановилась и сорвала нагретый солнцем стебелек мяты с пушистыми сиреневыми метелочками, поднесла к лицу...

– Как хорошо...

Мужчина улыбнулся, снял свой дорогой новый пиджак и бросил его на тропинку.

– Прошу!

Аглая Петровна растерялась. Кровь прихлынула к ее лицу, жаркая волна затопила сердце. Она осторожно ступила на расстеленный пиджак.

– Смелее! – подбодрил ее спутник. – Такая прекрасная, божественная женщина достойна, чтобы ей под ноги бросали соболя меха, а не обыкновенные пиджаки!

Аглая Петровна была счастлива, и одновременно ей стало грустно. Такое бывает! Ей нравилось поклонение этого мужчины и огорчало то, что ее муж никогда не поступил бы так. Скорее всего, он... Что бы в такой ситуации сделал Виктор? Ей действительно стало интересно. Он мог подать ей руку и помочь перейти тропинку. В крайнем случае, он мог взять ее на руки... И то – вряд ли! Пожалуй, все ограничилось бы поданной рукой...

Аглая Петровна тяжело вздохнула...

Глава 6

У Олега Рязанцева были неприятности. Погиб человек, к услугам которого время от времени приходилось прибегать. Услуги эти были весьма специфическими и высоко ценились. Теперь к тому же возникла необходимость замять расследование, так как неизвестно, как именно могут пересечься данные и факты по этому неприятному делу, что всплывет в результате выяснения обстоятельств и возможных мотивов убийства.

В совершении убийства сомнений не было. Но кто и по каким причинам убил этого человека, пока оставалось неизвестным. Это задевало Олега, беспокоило его и заставляло постоянно думать, анализировать и сопоставлять факты. Ничего конкретного не вырисовывалось. Предположений и версий было много, и по ходу дела их становилось все больше и больше.

У Олега болел желудок. Давала о себе знать и поджелудочная. Он постоянно чувствовал легкую тошноту, недомогание и притаившуюся в глубине боль, которая в любой момент могла перейти в острый приступ, как уже бывало. В довершение к перечисленному еще и в семье появились непонятные сложности. Ева изменилась. То есть это Олег так думал. На самом деле она вела себя почти так же, как и раньше, и только по мельчайшим деталям, репликам и выражению лица можно было определить, что изменения все-таки происходят.

Ева как-то по-другому смотрела, по-другому разговаривала с ним, иначе подавала на стол и вела себя в постели. Прежде она делала все это с удовольствием, а теперь – как бы по долгу, по обязанности. Признаки изменений были почти неуловимы, но они существовали. Раньше она ненавидела одиночество и требовала, чтобы Олег проводил с ней больше времени. А теперь она стремилась уединиться и с трудом скрывала удовлетворение, когда он собирался идти куда-нибудь без нее: на рыбалку или на вечеринку с друзьями. Олег слишком хорошо знал Еву, чтобы не замечать этого.

Сегодня она была какая-то рассеянная, отвечала невпопад, пару раз уронила что-то на кухне.

– Обед готов, – сообщила Ева без удовольствия.

Она налила мужу в тарелку бульон, а сама села напротив, подперев щеку рукой. Ева вроде бы смотрела на Олега, но мысли ее блуждали где-то очень далеко.

– Пельмени будешь? – спросила она с притворной заботой.

Олег кивнул, испытывая неловкость за нее. Всегда такая искренняя, Ева не умела притворяться, и это получалось у нее весьма посредственно.

– О чем ты думаешь? – спросил Олег.

– Ни о чем!

– Это правда?

Ева не знала, что ответить, поэтому она встала, сделав вид, что наливает себе кофе.

– Почему ты не ешь? – снова спросил Олег.

– Не хочется...

– Ты чем-то расстроена?

Ева пожала плечами. Расстроена ли она? Как описать то состояние, в которое она погрузилась с некоторых пор? С тех самых пор, как у нее появился любовник?

– Ты никогда ничего мне не рассказываешь! – сказала она мужу с раздражением. – Никогда ничем не делишься! Как будто я просто кухарка, прачка и уборщица!

Олег чуть не подавился. Такие речи он слышал от жены впервые за все годы их совместной жизни. О тоне, которым все это было сказано, и говорить нечего.

– Что с тобой? – спросил он, откашливаясь.

– Тот же вопрос я могу задать тебе! – парировала Ева тем же недовольным тоном. – Ты явно чем-то огорчен, плохо себя чувствуешь, но молчишь! Почему?

Олег вздохнул, отодвигая от себя пустую тарелку и жалея, что столько съел. В желудке усилилась боль.

– Кофе будешь?

Он отрицательно покачал головой.

– У меня неприятности, – сказал он, вздыхая. – Убили одного человека...

Олег никогда не рассказывал Еве о своих служебных делах, но эту новость она все равно узнает и обидится, что он не сообщил ей. Ему не хотелось лишних осложнений: и так все достаточно непросто складывается.

– Кого? – спросила Ева. – Я его знаю?

– Да. Это наш знакомый, у которого дача в Мамонтовке.

– Денис Аркадьевич?!

Олег кивнул.

– Когда?!

– Вчера, после обеда. Между двумя и четырьмя часами дня.

Олег продолжал что-то рассказывать, но Ева больше его не слушала. Ей показалось, что на нее обрушились небеса. Ее жизнь кончена, это ясно, но... что же теперь делать?

Ева преподавала испанский язык. Вернее, давала частные уроки. Язык был не особенно популярен среди москвичей, но пара учеников для нее всегда находилась. Кто-то ехал на работу в Испанию, кто-то выходил замуж, кто-то просто желал говорить по-испански... Словом, у Евы было занятие, которое она называла «работой», хотя на самом деле это скорее была попытка утвердиться как личность, обрести какую-то иную роль, кроме роли «идеальной жены».

Она поняла, как ей опостылело играть роль жены Олега Рязанцева, только когда познакомилась с Денисом Аркадьевичем Матвеевым. Он никогда плохо не отзывался об Олеге, но сумел раскрыть Еве глаза на истинное положение дел.

– Мое мнение – это только мое мнение. Мнение еще одного человека. А вы, Ева, должны руководствоваться только своим собственным! Всегда смотрите на вещи сами и никого не слушайте! Люди всего лишь только люди, они могут ошибаться.

С тех пор как они впервые побывали на даче у Дениса Аркадьевича, с Евой что-то произошло. Она почувствовала себя женщиной, которая может вызывать интерес, красивой и желанной, а не «идеальной женой», и ей захотелось к себе соответственного отношения. Еве не хватало любви! Это оказалось открытием для нее, так как до сих пор она думала, что они с Олегом любят друг друга. Невольно, сама того не желая, она начала присматриваться к мужу, анализировать его слова и поступки... Денис Аркадьевич ничего такого ей не советовал, но каким-то образом она пришла к выводу, что ей надо понаблюдать за Олегом. А какой он на самом деле?

Это началось в тот же вечер, когда мужчины пили вино на веранде, а хозяин показывал Еве дом. Мясо поджарилось, и всех позвали к столу. За разговорами время летело незаметно, и гости стали собираться домой, только когда пошел дождь. В темноте небо быстро затянуло тучками, хлынул теплый ливень, прибывая пыль, стуча по листьям старого сада.

– Я забыла зонтик! – растерялась Ева. Ее прическа намокла, и она чувствовала себя неловко.

– Я же говорил тебе, что обещали дождь! – назидательным тоном выговаривал ей Олег. – О чем ты думала? Как теперь идти? Мне нужно было проверить, взяла ли ты зонтик, тогда бы нам не пришлось мокнуть!

Он говорил как будто в шутку, но Еве отчего-то стало обидно.

– Не расстраивайтесь, – мягко сказал Денис Аркадьевич. – Я дам зонтик. У меня их несколько, как раз на такой случай.

Он подал зонтик Олегу. А Олег, в свою очередь, Еве. Денис Аркадьевич понимающе улыбнулся, а Ева чуть со стыда не сгорела. Ей было так досадно, что Олег повел себя как неотесанный чурбан! Ему следовало самому понести зонтик, так, чтобы женщина не намокла и ей было удобно.

Еве казалось, что все провожают их снисходительно-понимающими взглядами. Возможно, это только ее фантазия – вряд ли остальные мужчины были воспитаны лучше! – но она всю дорогу ненавидела своего мужа. За то, что он оказался не на высоте; за то, что повел себя как деревенщина; за то... словом, за все.

Придя домой, Ева никак не могла успокоиться. Этот эпизод, эта мелочь порядком задела ее! На следующий день она заболела. Нос заложило, болела голова, сильно першило в горле. Ева через силу встала готовить Олегу завтрак. А он даже не спросил ее, как она себя чувствует! Ева едва не расплакалась.

Когда дверь за Олегом закрылась, Ева легла в постель и задумалась. Впервые она посмотрела на своего мужа безжалостным, беспощадным взглядом не влюбленной женщины. То, что она увидела, ей не понравилось.

Вечером Олег пришел домой с пустыми руками. Он ничего не принес ей, зная, что она нездорова, – даже шоколадки! Ева чувствовала себя отвратительно, а он еще начал проявлять какие-то поползновения...

– Олег, я плохо себя чувствую! Неужели ты не видишь?

Когда именно между ней и супругом возникла эта трещина? Тогда, в доме, когда Денис Аркадьевич обнимал ее, гладил ее ноги под юбкой, шептал сладкие, ласковые слова, которых она никогда не слышала от мужа? Или во время болезни?

На следующий день она позвонила Матвееву и рассказала, что промокла под дождем и заболела. Он говорил ей о том, что она прекрасна, что он видел ее ночью во сне...

Вечером Олег пришел домой с бутылкой коньяка, полным пакетом фруктов, конфет и пирожных. Ева засияла от счастья.

– Это тебе передал Денис Аркадьевич, – сказал супруг. – Чтобы ты как можно скорее поправилась!

Евин восторг сразу улетучился. Так это не Олег позаботился о том, чтобы доставить ей удовольствие! Это совершенно посторонний мужчина... Она была подавлена. Разочарована. По ее налаженной жизни, которой она гордилась, нанесен удар, от какого нельзя было оправиться. Романтическая натура Евы, тоскующая о любви, взбунтовалась против такого отношения к ней мужа, которого она теперь с трудом выносила. Она с каким-то болезненным удовольствием отмечала каждый его промах, каждую небрежность, каждое доказательство его равнодушия и безразличия.

«Как я раньше не обращала внимания на то, как он ест, а потом отодвигает от себя тарелку, словно в ресторане? И почти никогда не помогает мне мыть посуду, считая само собой разумеющимся, что это не его обязанность? Как он бросает вещи в ванной, чтобы я их постирала и погладила? И никогда не выражает благодарности за мои усилия... Когда он в последний раз помогал мне убрать квартиру? Когда он в последний раз приглашал меня в кафе, на выставку, в театр или просто на прогулку? Когда он дарил мне цветы просто так, не на день рождения или Восьмое марта? Когда...»

Этих «как» и «когда» набиралось столько, что у Евы голова шла кругом.

Она пришла к выводу, что даже интимная сторона их брака напоминала те же обеды, стирки и прочие обязанности Евы. Ночью она была для Олега чем-то вроде ужина или чистой рубашки. Еще одна услуга «идеальной жены»!

Результат всех этих открытий оказался неожиданным. Ева возненавидела себя! За то, что столько времени позволяла обращаться с собой подобным образом, да еще и была счастлива! Боже, какая она дура! Идиотка!

То, что она начала встречаться с Денисом Аркадьевичем, получилось просто само собой. Ева больше не могла быть нелюбимой! Она больше не могла быть предметом пользования! Она хотела быть предметом любви и поклонения, сердечной привязанности, дружбы, уважения, наконец! Она хотела заботы и внимания. Но вместо них была какая-то повседневная рутина,

однообразная и скучная. Ева почувствовала себя обманутой. В ней заговорила разбуженная женщина, которая теперь воспринимала прежние семейные отношения как оскорбление. В глубине сознания зрело желание получить то, чего ей доставало, и при этом отомстить Олегу.

Ева смотрела на себя в зеркало другими глазами, через призму того восхищения, которое выказывал ей Денис Аркадьевич и никогда – Олег. Она поняла, что действительно красива. В ней проснулась чувственность, которая испугала ее. Интимная жизнь мужчины и женщины открылась ей с совершенно новой, неизведанной стороны.

– Когда я вижу вас, Ева, я чувствую токи крови, как силовые нити, связывающие нас с токами Вселенной... – говорил ей Денис Аркадьевич.

Они встречались тайно, и это тоже приятно возбуждало, придавало всему оттенок приключения. Они говорили об искусстве, о картинах Ренуара и Мане, о натурщицах Рубенса, о вдохновении художников, которое те черпали из неиссякаемого источника – женского обаяния, пленительных чар женского тела и вечной загадки женской души.

В кабинете Матвеева стояла бронзовая статуэтка Венеры, которую он боготворил.

– Вы бывали в Гатчинском дворце, Ева?

– Нет, – смущалась она.

– Когда-нибудь я вам его покажу. Загадочный замок, похожий на загородные североитальянские дворцы. Башенный кабинет императора Павла I украшает бронзовая Венера... которая сильно уступает моей. Ее сделал фламандский скульптор Джамболонья. Но ему далеко до Челлини.

Денис Аркадьевич прикоснулся к статуэтке нежно и трепетно, как к обожаемой женщине.

– Взгляните, Ева, как она прекрасна! Каждая линия ее тела будит в крови пожар, заставляет сердце замирать.

Он много, с упоением рассказывал о мастере, создавшем статуэтку, о великом, непревзойденном Бенвенуто Челлини. Этот человек – художник, авантюрист, воин и музыкант – был истинным сыном эпохи Ренессанса, воплощая в себе его идеалы и неукротимый дух свободы. Он родился и вырос в солнечной Флоренции, служил в Риме папам Клименту VII и Павлу III, был заточен в замке Сант Анджело, откуда сумел бежать во Францию. Работал в Париже и Фонтенбло, выполняя заказы для самого короля Франциска I. Покровительство герцога Козимо Медичи позволило ему вернуться на родину, где его ожидали новые приключения.

– Жизнь, полная вдохновения и страсти! Можно ли желать лучшего? – восклицал Денис. – Бежать из тюрьмы, драться на шпагах, стрелять из аркебузы, видеть, как войска Карла V разоряют Рим, потом блистать при французском дворе, играть на флейте, получить дворянский титул, постричься в монахи... получить освобождение от обета... жениться, написать книгу о своей жизни и прославиться. И все это время – создавать шедевры! Кое в чем мы с ним похожи – я тоже иногда графоманствую...

Ева слушала, любовалась бронзовой богиней любви – утонченно-изящной, пленительной и неуловимо порочной, словно юная гетера. Ей хотелось плакать от слов Дениса, от чувств, переполнявших ее неискушенное сердце...

– Гениального Челлини преследовало проклятие, злой рок, – произнес вдруг Матвеев. – От его руки погибали люди... Надеюсь, это качество не передалось его изделиям.

Ева испугалась, а он засмеялся.

– Честно говоря, у меня нет уверенности, что Венера – творение рук самого Бенвенуто. Уж больно легко она мне досталась. Именно эта легкость и настораживает! Знаете, сколько стоит такая безделушка, как золотая солонка, если она – ювелирное изделие флорентийца Челлини? Пятьдесят миллионов евро...

У Евы округлились глаза.

– Но тогда... статуэтку надо хранить в музее, а в доме даже сигнализации нет.

Денис беспечно махнул рукой.

– Зато есть собаки! Я держу Венеру на виду... и никому не придет в голову, сколько она может стоять. Просто красивая статуэтка из бронзы – модная деталь интерьера.

В присутствии самой богини любви каждый жест и каждый вздох приобретали невыразимую сладость.

– Женщины – единственные существа, которые знают все о рае! – целуя Еву, шептал любовник. – Они знают дорогу в рай! Вы мне ее покажете, Ева?

У Дениса Матвеева была богатейшая коллекция пластинок и дисков с записями лучших симфонических оркестров мира. Он любил полумрак, экзотические ароматы и музыку как атрибуты любви. Он любил все изгибы и выпуклости, все тончайшие линии Евиного тела и ласкал ее бесконечно долго, шепча необычные слова – и эти слова, вместе со звуками скрипок и гобоев, с колебаниями огня в камине и зажженных в темноте свеч, с нежными и страстными прикосновениями, с легким хмелем дорогого вина, с желтым цветом штор и обивки диванов, с запахами незнакомых духов, уносили Еву в дрожащий мир теней и причудливых сновидений, ложились на душу подобно лепесткам райских цветов или кружили ее в своем колдовском хороводе...

Интимность родилась в Еве, как источник наслаждений, о которых она не подозревала. Денис Аркадьевич показал ей стороны жизни, от которых можно получать удовольствие вдвоем: тонкое, изящное общение, огонь, горящий в темноте комнат, живопись, вино, цветы, музыку и любовь. Он дарил ей подарки, которые совершенно не напоминали выбранные наспех вещицы или дешевые мелочи, преподносимые ей Олегом. Дело было даже не в цене, а в том состоянии души, с которым они подбирались, приобретались, и в том, какие Денис Аркадьевич находил слова, когда вручал их Еве.

С каждым днем она убеждалась, что отношение к ней Олега не более чем принятый им один раз для себя ритуал, в котором не было ничего от сердца, от искреннего желания вызвать в другом существе ответный огонь. Еву стал коробить ограниченный набор фраз, которыми пользовался Олег – именно пользовался, а не говорил с ней, его привычный шаблон поведения, лишенный непредсказуемости, радости открытий, неожиданных приятных сюрпризов, необычных развлечений, интимных мелочей.

Одно и то же, одно и то же, изо дня в день, – обеды, ужины, завтраки, домашние дела, одни и те же жесты, одни и те же дежурные поцелуи, взгляды и тепловатые, безвкусные объятия, одни и те же друзья, надоевшие вечеринки, постылые разговоры об одном и том же...

У Евы появилась запретная, тайная новая жизнь, которая манила ее, как бабочку манит пышный цветок, полный сладкого нектара и трепета шелковых лепестков. Она не представляла себе, как жила без этого великолепия, развлечений жизни, все эти годы, похожие теперь на долгий серый сон. Она чувствовала себя Спящей красавицей, которую наконец отыскал и вернул к жизни поцелуем храбрый и красивый принц. У нее появились мечты, воспоминания, причудливые и чувственные фантазии, странные, волнующие желания, вкус к жизни, ее краскам, запахам и тайным порывам...

И в миг, когда Олег произнес имя Дениса Аркадьевича в связи с убийством, а значит, в связи со смертью – весь с таким трудом построенный ею волшебный мир рухнул по мановению чьей-то злой воли.

Ева была оглушена, раздавлена. Ее полный звезд небосвод посыпался на нее миллиардами острых осколков, впивающихся в ее сердце подобно ядовитым стрелам! Она едва сдержалась, чтобы не застонать от боли, невыносимой, как сама мысль о том, *что* она потеряла, чего лишилась...

– Кто это сделал? – спросила она Олега, не надеясь услышать ответ.

– Не знаю... повод мог быть у многих.

Ева подумала, что она знала только одну сторону жизни своего любовника и оставалась в полнейшем неведении относительно того, чем он занимался, с кем поддерживал отношения,

какие у него были друзья, знакомые. Денис Аркадьевич учил ее играть в шахматы. Это было одним из его увлечений. Еще он обожал собак. Кажется, у него был какой-то частный клуб в Москве. Ева встречалась с Матвеевым только на даче в Мамонтовке, она понятия не имела, где он живет; его московский адрес, телефон были ей неизвестны. Она даже не знала, женат ли он, одинок или разведен. Как-то не удосужилась поинтересоваться, настолько это все казалось мелким, не важным!

– А... где это произошло?

Олег рассказал Еве все, что знал. Она молча слушала. Ей казалось, что кто-то огромный, безжалостный и страшный вырвал у нее из груди сердце, и теперь там образовалась пустота. Она должна узнать, кто это сделал, чтобы отомстить за себя, за свои разбитые надежды...

Денис Аркадьевич хотел, чтобы они с Евой поехали в путешествие по Средиземному морю; они собирались плыть по лазурным, прозрачным водам вдаль, к неведомым берегам, на которых их ждут... О боже! Их больше ничего не ждет! Они уже никогда не встретятся!

Ева не стала плакать, да и слез не было. Олег ушел на работу, а она остановившимися сухими глазами смотрела, как он выходит из подъезда, идет к ожидающей его служебной машине, как летит пыль из-под колес, как надоедливо качается на качелях девочка с косичками, как бежит по дороге полосатая кошка, как ветер колышет листву лип и кленов во дворе, похожем на колодец, как по бесцветному небу плывут бесцветные облака...

Оказывается, Денис Аркадьевич был абсолютно одиноким человеком. Он даже не был женат. Родители его давно умерли, и, кроме двоих сотрудников в собаководческом клубе и женщины, которая приходила к нему убирать квартиру, ни одного близкого человека у него не оказалось.

«Интересно, а кто убирал его дом в Мамонтовке?» – подумала Ева, безнадежно сожалея о том, что не может поехать, побежать туда, в ту страшную комнату, увидеть все своими глазами, поплакать, покричать, чтобы стало легче, чтобы хоть немного утихла боль потери. Даже этого ей нельзя! Зато никто не может и не смеет помешать ей найти убийцу!

Что будет, когда она осуществит свое желание, Ева не думала. Она не могла ни о чем думать. Она просто погрузилась в воспоминания о том, что у нее было и что теперь у нее отобрали, не спрашивая ее согласия. Ей хотелось действовать, узнать как можно больше о Денисе Матвееве, о том, чем он занимался и какие еще у него были интересы в жизни, кроме Евы.

Она позвонила своей ученице, которая уже полгода брала у нее уроки испанского. Женщина держала очень дорогую породистую собаку. Ученицу звали Нина Всеволодовна, она писала научный труд по испанскому Возрождению и могла часами говорить о собаках. Она выслушала сбивчивую речь Евы и дала ей адрес и телефон клуба. Оказывается, Дениса Аркадьевича неплохо знали в определенных кругах.

«Я жила словно во сне! Витала в облаках! – подумала Ева. – Пора возвращаться к привычной жизни».

Она тщательно оделась, причесалась, как будто Денис Аркадьевич все еще мог ее видеть, и отправилась по адресу, который ей дала Нина Всеволодовна.

Глава 7

Огромный пушистый шмель сидел на ярком синем колокольчике, который раскачивался и сгибался под тяжестью насекомого. Вокруг, среди пышно и свободно растущей зелени пестрело множество цветов: белых, желтых и малиново-сиреневых. Пахло нагретой травой, землей и старыми досками сарая, за которым примостился Смирнов. Отсюда было удобно наблюдать за домом убитого Матвеева.

Дача, на территорию которой проник Славка, оказалась то ли заброшена, то ли хозяева давно сюда не приезжали. Может, были уже слишком старые и немощные; может, заболели или переехали куда-нибудь, а дачу продать не успели. Небольшой деревянный дом, когда-то выкрашенный в голубой цвет, имел жалкий и облезлый вид. Стекла чердачной башенки были выбиты, окна закрыты ставнями и заколочены потемневшими от сырости досками крест-накрест, деревянное крыльцо почти совсем сгнило. Все вокруг заросло бурьяном, кустами шиповника, сирени и дикой малины, все это цвело, и над цветами кружились и жужжали

пчелы. На высокой старой груше одиноко висел полуразвалившийся скворечник. Все дышало запустением и покоем, словно на кладбище...

Славка удивился посетившей его мысли о бренности бытия и хлопнул себя по шее – кажется, за шиворот его рубашки заполз рыжий муравей.

У дома Матвеева прохаживался по двору полицейский, изнывающий от жары и скуки. Тело хозяина уже давно увезли. Родственников у него не было, как удалось выяснить Смирнову, таким образом, вопрос об имуществе оставался открытым. Два бультерьера, закрытые в вольере, тоскливо выли, то ли оплакивая своего хозяина, то ли от голода. Вряд ли полицейские удосужились покормить животных.

У Матвеева в Москве был собаководческий клуб «Звезда», в котором он разводил и обучал редкие и дорогие породы собак. Славка уже побывал там, разузнал, что к чему, и немало удивился. Во всяком случае, он убедился: убитый Матвеев был человеком весьма и весьма непростым, чтобы не сказать больше.

В его клубе работали всего два сотрудника, прошедшие жесточайший отбор. Хозяин разводил бультерьеров, очень красивых керри-блю-терьеров, из-за волнистой серо-голубой шерсти называемых голубыми терьерами, белых русских псовых борзых и несколько разновидностей такс. Все собаки были великолепны – прекрасно ухожены, красивы и воспитаны особым образом. Клуб продавал как щенков, так и взрослых обученных собак, а также оказывал услуги по уходу и тренировкам. Многие клиенты предпочитали выбрать себе щенка и оставить его на попечение клуба, пока собака вырастет и обучится. Дело было поставлено так, что хозяева собак время от времени приходили, общались со своими питомцами, кормили их и играли с ними, а также наблюдали и участвовали в процессе обучения.

Господин Матвеев воспитывал собак в беззаветной любви и преданности своим хозяевам. Собаки, с виду ласковые, доброжелательные и милые, в минуту опасности превращались в диких и жестоких хищников, безжалостно уничтожающих врага. Почти все они, кроме такс, были приучены намертво вцепляться в горло человеку, который представлял угрозу для их хозяев.

Смирнов представился желающим приобрести породистого щенка с хорошей родословной. Невысокая женщина крепкого сложения, с волосами, собранными сзади в хвост, повела его показывать белых борзых. Славка никогда не был особым любителем собак, но тут не мог отвести глаз от белоснежных, изящных красавиц, с горделивым видом расхаживающих по вольерам. Они с умильными мордами уставились на людей, всем своим видом выражая доброжелательность и любовь.

Женщину, работающую в питомнике, звали Надя. Она рассказала Смирнову, что такую собаку просто невозможно серьезно заподозрить в агрессии, поэтому их не опасаются. А они, в свою очередь, нападают только в исключительных случаях. Вот недавно клиент один приходил, из «новых русских», благодарил очень. Он приобрел борзую по кличке Маркиза, так она ему не только имущество спасла, но и жизнь.

– Да ну? – притворно удивился Смирнов. – Вы не преувеличиваете?

– Что вы! – обиделась Надя. – Мы за свою продукцию несем полную ответственность! Маркиза – собака очень красивая и с огромным чувством собственного достоинства. Денис Аркадьевич к воспитанию щенков относится трепетно, если можно так выразиться. Не дай бог кто из персонала ударит собаку или крикнет на нее без толку! Таких сразу уволят, в тот же день! Животное, которое бьют и подавляют, обязательно вырастет трусливым и злым. Вам может это показаться странным, но трусость сродни предательству. Такая собака будет нападать на слабых, а перед сильным противником даст маху.

– Да? Интересно... – Славка задумался. Такой подход к воспитанию собак показался ему правильным. – Так что Маркиза? – напомнил он о теме разговора.

– Я же рассказываю! – Надя убрала волосы со лба и продолжала, ласково глядя на собак в вольерах: – Они все у нас умницы, красавицы и защитники. Вот и Маркиза, когда хозяин уснул, легла в прихожей на коврик. Тут кто-то дверь открывать стал, грабитель или еще кто, неизвестно... Собака была приучена шум зря не поднимать, а когда непрошенный гость вошел в квартиру и достал оружие, бросилась на него без единого звука, молниеносно и вцепилась в горло.

– И что, насмерть?

– Почти...

– Кошмар какой! – не сдержался Славка. – А где я могу хозяина увидеть, Дениса Аркадьевича?

Ему было интересно, знают сотрудники о том, что произошло в Мамонтовке, или нет.

– А он сейчас за городом, у него дом там. Я вам могу телефон дать!

«Значит, не знают, – сделал вывод Смирнов. – Или притворяются. Но по реакции не похоже. Наверное, действительно не знают еще».

– Спасибо, – сказал он.

Он убрал в карман визитную карточку хозяина клуба, принесенную Надей.

– А в Москву он летом вообще не приезжает?

– Редко. Раз или два в месяц. Он природу любит, свежий воздух...

Славка погулял по территории клуба, полюбовался собаками, побеседовал с бабкой, которая убирала в помещении, со вторым кинологом, Валерой, грузноватым мужчиной лет сорока: никто, похоже, о смерти хозяина заведения еще не знал.

Размышления Славки в очередной раз прервались из-за рыжего муравья, который, видно, залез-таки за ворот его рубашки. Проявлению дедуктивных способностей Смирнова мешали не только насекомые и жара, но и чувство голода. Он торопился занять свой наблюдательный пост и не успел перекусить: теперь это серьезное упущение давало о себе знать. Хорошо еще, что здесь, на заброшенной даче, никого нет – не нужно опасаться, что явятся хозяева и начнут возмущаться непрошеным гостем, который залез на их территорию с неизвестной целью.

Смирнов давно наблюдал за домом Матвеева, но пока ничего особенного, что могло бы пролить свет на убийство, не обнаружил. Туда-сюда ходили вялые от жары полицейские, какие-то люди в штатском, приезжала чья-то служебная машина – и все. Даже зевак не было. Поселок был пустынен, словно вымер.

Из мужчин в штатском Смирнов узнал одного сотрудника органов безопасности, и это его насторожило. Чем убийство Матвеева, хозяина собачьего клуба, могло привлечь этих ребят? Подобный факт лишний раз подтверждал, что покойный Денис Аркадьевич был ох как непрост! Возможно, он оказывал услуги соответствующим структурам, и это «фраера сгубило». Но каким образом такой человек оказался связан с Громовым, например? Славка был в курсе дела по поводу криминального прошлого своего бывшего шефа и нынешнего заказчика. Гром и сейчас ходил по тонкому льду: его бизнес смело балансировал на грани закона. Что общего у него с убитым? Почему его волновали какие-то записки дрессировщика собак? Что за всем этим кроется?

Если Матвеев оказывал услуги и органам, и криминалу, и политикам, и частным лицам – то какого рода были эти услуги? То, что такая двойная и тройная жизнь опасна, и говорить нечего. С Матвеевым могли расправиться и те, и другие, и третьи. Но... что-то в самом способе убийства настораживало Всеслава. Ребята в штатском сделали бы это по-другому, чище и профессиональнее. Нашли бы какой-нибудь «естественный» способ преждевременной смерти. Бандиты тоже расправились бы по-своему, грубее и проще: автоматная очередь или пуля в лоб... И на заказное убийство не похоже.

Смирнов уже навел справки и знал, что Дениса Аркадьевича убили во второй половине дня, в собственном доме, в рабочем кабинете, стукнув какой-то дурацкой статуэткой по голове.

Проломили височную кость. Удар должен был быть достаточно сильным, но в то же время, если знаешь, куда бить, то... Однако кто стал бы прибегать к такому невообразимому способу? Может, спецслужбы изощряются, чтобы замести следы?

Это предположение, слишком невероятное, чтобы оказаться правдой, Смирнов после некоторых размышлений отбросил.

Его мысли вернулись к Громову. Игорь Анатольевич объяснил, что Матвеев помог ему вернуть похищенного внука. Он не стал вдаваться в подробности, но Славка умел сопоставлять и анализировать факты. Прикинув, когда примерно случилась беда с маленьким Артемом, он сообразил, что вскоре в окружении Громова произошли серьезные перемены. Во-первых, отбыл в неизвестном направлении, а потом и вовсе бесследно исчез Штырь – правая рука и ближайший соратник Громова, его старый друг, с которым их многое связывало. Штырь якобы поехал налаживать бизнес в Чехию, открывать там филиал фирмы, и пропал. Сначала думали, что Александр Дмитриевич скрылся с большой суммой денег, но это не подтвердилось. Потом пришли к выводу, что кто-то свел с ним старые счеты. Но и это могло оказаться не совсем так. Наконец пришло сообщение, что Штырев был найден мертвым в одном из номеров захлавленной гостиницы. Причина смерти – кровоизлияние в мозг. Вдова не стала поднимать шум, тихонько похоронила супруга, и на том дело закончилось. Если верить официальной информации, Штырь был похоронен в закрытом гробу, и никто толком не мог подтвердить, он это был или не он. Вдова, заболевшая от горя, уехала за границу поправлять здоровье, наотрез отказавшись от всяких комментариев.

Чуть позже вышеописанных событий с зятем Громова Андреем случилась неприятность. Молодой человек поехал с друзьями на охоту, и там, в лесу, у него начался сердечный приступ. Охотники заняли разные места в болотистом леске, у заросшего камышом озера, чтобы стрелять уток, и никто не услышал, как Андрей звал на помощь. Возможно, что он и не звал, а просто упал, когда ему стало плохо. Причем упал он весьма неудачно – лицом вниз, да еще в лужу, и захлебнулся. Когда товарищи стали его звать, искать вокруг озера и обнаружили наконец, Андрей был уже мертв.

Эта трагедия едва не стоила жизни Марине, дочери Громова. Ее первый супруг погиб в автомобильной катастрофе, а второй окончил жизнь так нелепо, так ужасно! Громов отправил дочь, жену и внука в Ялту, чтобы они отвлеклись от страшного горя, обрушившегося на семью. Марина была в таком состоянии, что не смогла присутствовать на похоронах. Громов все сделал сам. Он похудел, почернел – на него страшно было смотреть. Только дела и необходимость заботиться о семье давали ему силы преодолевать все.

Было и еще одно, из-за чего Громов не мог позволить себе опустить руки, заболеть, впасть в печаль и раскиснуть, – Алла Викентьевна. Смирнов не имел никаких фактов, доказательств, никаких видимых оснований так думать. Но он чувствовал и понимал, как один мужчина чувствует и понимает другого, что Алла Викентьевна имела то особое, не поддающееся описанию влияние на Громова, которое только любимая женщина может иметь и оказывать на мужчину.

Если учесть, что перед всеми этими событиями Игорь Анатольевич пережил похищение внука, то становилось вполне понятным и объяснимым, что начатая им политическая кампания была приостановлена, а потом и вовсе сошла на нет. Правда, сам Громов сказал Славке другое: он заявил, что происшествие с Артемом было связано именно с политической деятельностью и что целью шантажа являлся отказ Громова от политической карьеры.

В принципе Смирнову глубоко безразличны эта политическая возня, бизнес и семейные дела бывшего шефа. Он не собирался ломать над этим голову и гадать: что, как и почему. Но в свете полученного задания все вышеизложенное приобретало совершенно новый смысл и могло иметь новую и неожиданную подоплеку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.